

«Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно; не
уважать оной есть постыдное ма-
лодушие».

А. ПУШКИН

К ЧИТАТЕЛЮ

Русской культуре значительно больше тысячи лет. Она одного возраста с русским народом, с украинским и белорусским. Все три братских народа выросли вместе, родились в недрах единой Киевской Руси, просуществовавшей с IX в. до ее завоевания в середине XIII в. татаро-монголами.

Больше тысячи лет русскому народному творчеству, русской письменности, литературе, живописи, архитектуре, скульптуре, музыке. Больше тысячи лет многим русским, украинским и белорусским городам: таким, как Киев, Новгород, Чернигов, Смоленск, Псков, Изборск, Муром, Полоцк, Ростов Великий, Туров, Ладога, Белгород, Белозеро, Суздаль, Старая Русса. Их более двух десятков. Это все города IX—X вв. В XI в. в письменных памятниках появляется упоминание еще о 62 городах; в XII в. — еще о 134 городах, а в начале XIII в. (до завоевания Руси татаро-монголами) — еще о 47 городах. А ведь в письменных памятниках упомянуты не все города. На самом деле их было значительно больше. Во всех этих городах, подавляющее большинство которых сохранилось до сих пор, были замечательные памятники культуры, в них работали ремесленники, зодчие, живописцы, писатели и переписчики книг, кипела умственная жизнь. Своим мировым значением русская культура XIX и XX вв. во многом обязана своему тысячелетнему развитию, силам, накопленным веками, мудрости и опыту, который передали своим отдаленным потомкам их могучие предки.

Наши древние города, наши музеи и рукописные хранилища полны произведениями изумительного искусства: в городах сохранились памятники архитектуры и настенной

живописи, в музеях — памятники живописи и ювелирного искусства, в рукописных хранилищах — рукописи, иногда художественно иллюстрированные и изящно переписанные, интересные и по своему содержанию, и по своему художественному оформлению.

Обычные представления об отсталости древнерусской культуры неверны. Надо различать, о какой отсталости может идти речь, в какие эпохи и в каких областях культуры. До завоевания Руси татарами-монголами в середине XIII в. ни о какой отсталости говорить не приходится. Напротив, Русь этого времени, тесными узами связанная с самой передовой страной тогдашней Европы — Византией, опережала в своем развитии многие из европейских стран. Она обладала высоко развитой письменностью, литературой, зодчеством, живописью; в ней процветали ремесла и торговля. Она была грозным государством с обширными международными связями и гордым патриотическим самосознанием. Отсталость резко определилась только в результате страшного разгрома Руси татаро-монгольскими ордами и двухвекового иссушающего самую душу народа тяжкого иноземного гнета. Но уже в XIV и XV вв., еще до освобождения от татаро-монгольского ига, русская культура возрождается и достигает высокого совершенства в искусстве живописи, произведения которой бережно хранятся сейчас в музеях Москвы, Ленинграда, Новгорода, Киева, Парижа, Нью-Йорка, Стокгольма, Думбартон Окса (около Вашингтона) и других городов. В XV—XVII вв. усиленно развивается русское зодчество. Оно отнюдь не уступает современному ему зодчеству западноевропейских стран. Московский Кремль и Кремль Ростова Великого, архитектурные ансамбли Новгорода, Углича, Суздаля, Ярославля, Горького и многих других русских городов навсегда останутся гордостью русского народа. Высокого развития достигает ювелирное искусство, искусство украшения книги, деревянное народное зодчество, чудесные произведения которого сохранились в северных районах нашей Родины. В этих областях культуры не было никакой отсталости. Здесь созданы неповторимые и бесценные произведения, гордиться которыми вправе человечество. Но и в тех областях культуры, где отставание было неизбежным, отдельные достижения единственны и неповторимы. Отставала, например, русская литература XIV—XVII вв.,

но многое в ней предвещает будущий могучий расцвет русской литературы: произведения изумительного мастера русского языка протопопа Аввакума, удивительная по своему сочувствию простому обездоленному человеку стихотворная «Повесть о Горе-Злочастии» или первый русский роман — «Повесть о Савве Грудцыне».

Знать все то лучшее, что создано русским народом, — создано в неимоверно тяжелых условиях, — уметь понимать произведения древнего искусства, уважать их и любить — не только обязанность каждого советского человека, но и великое счастье. Знание истории своего народа, знание памятников его культуры открывает перед человеком целый мир — мир, который не только величествен сам по себе, но который позволяет по-новому увидеть и оценить современность. ✓ Знание прошлого — это понимание современности. Современность — это итог прошлого, а прошлое — это еще не развившееся будущее. ✓ Мы живем в великом потоке времени, движением которого мы научились управлять и которое приведет нас к коммунизму, где понадобится все, в том числе и все то лучшее, что было создано человечеством во все века его существования.

А. И. Герцен писал: «Последовательно оглядываясь, мы смотрим на прошедшее всякий раз иначе; всякий раз разглядываем в нем новую сторону, всякий раз прибавляем к уразумению его весь опыт вновь пройденного пути. Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, — шагаем вперед...»¹

В первые же дни Великой Октябрьской социалистической революции партия и правительство приняли решительные меры к охране памятников культуры прошлого и к ознакомлению с ними самых широких народных масс. Так, в «Воззвании» Народного комиссариата просвещения от 3 ноября 1917 г. говорилось:

«К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России.

«Кроме богатств естественных, трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных,

---

¹ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тринадцати томах, т. 3, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 24.

поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа, и т. д. Все это теперь воистину принадлежит народу... Товарищи! Надо зорко, бдительно беречь это достояние народа».²

В дальнейшем было широко поставлено изучение культуры прошлого: организовывались краеведческие общества, музеи. В апреле 1919 г. была создана Российская Академия истории материальной культуры, которая ставила себе задачей изучение археологических и художественно-исторических памятников и их научную охрану.³

В 1920 г., напоминая о значении культурного наследия для формирования новой советской культуры и искусства, В. И. Ленин указывал, что «без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить».⁴

Следовательно, знать историю русской культуры, знать ее выдающиеся достижения на протяжении первых восьми веков ее развития — обязанность каждого образованного советского человека. Знать культурные достижения народа в прошлом — это значит правильно учитывать его возможности в будущем. Верить в народ, жить и творить вместе с народом невозможно без знания того, что принадлежит народу в прошлом. Знание культурных достижений прошлого — существенный элемент патриотизма.

*

До недавнего времени было широко распространено убеждение в косности и неподвижности древнерусской культуры. Культура древней Руси представлялась единой, неизменной, в ней не замечали развития, не видели противоречий. Между тем достаточно самых элементарных знаний, чтобы убедиться в полной несостоятельности такой точки зрения. Вспомните изящные храмы Влади-

² Известия ВЦИК, 1917, 4 ноября.

³ См.: В. К. Гарданов и Ю. Ф. Кононов. Музейное строительство в РСФСР (1917—1920 гг.). — «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 122.

⁴ В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Собрание сочинений, т. 31, 4-е изд., стр. 262.

мира-Залесского XII в. и приземистые, как бы вылепленные чьей-то гигантской рукой церкви Новгорода XII—XIV вв., шатровые церкви XVI в. и «нарышкинские» постройки XVII в., стены Изборска и стены Троице-Сергиевой лавры: насколько они далеки друг от друга. Не менее далеки новгородские иконы XIV в. и ярославские фрески XVII в., ювелирные изделия Киева и Москвы. Много ли общего мы найдем между «Поучением» Владимира Мономаха и «Молением» Даниила Заточника, грандиозным «Русским хронографом» и «Повестью о Горе-Злочастии»? Русское искусство — это целый мир, в котором совмещаются совершенно различные по своей художественной природе течения. В русском искусстве нет единого художественного метода. Оно многообразно, в нем наличествует сильное развитие, противоборствуют разнообразные течения.

Задача этой книги — дать самое общее представление о развитии русской культуры в X—XVII вв., показать движение русской культуры и, главное, охарактеризовать отдельные ее эпохи.

Подробные сведения об отдельных памятниках ремесла, живописи, зодчества, литературы, об отдельных явлениях культуры читатель найдет в специальной литературе, список которой приложен к этой книге.

КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ (X—XIII вв.)

Киевская Русь X—XI вв. — время единства Руси, время ее славы и могущества. Культура Киевского периода заложила основы последующего развития культур трех братских народов: великорусского, украинского и белорусского.

Не случайно народ воспел это время в своих былинах. Русские богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович — съезжаются в стольный Киев град и здесь защищают русскую землю от степных врагов. Вокруг Киева и Новгорода сложилось единое и могучее Русское государство — самое обширное в тогдашней Европе. Русские дружины не раз появлялись под стенами Константинополя. Они разгромили Хазарский каганат, отстаивали открытые и легкодоступные степные границы Руси от набегов кочевников, появлялись на Северном Кавказе и в Малой Азии.

*

Основой успехов Руси в развитии всех сторон культуры, ее внешнеполитического могущества, ее быстрого общественного развития был труд русского народа, труд земледельческий в первую очередь. Русь не знала рабовладельческого строя. Уже в X и XI вв. на Руси утвердился развитой феодальный строй с его двумя противостоящими друг другу общественными классами: классом крестьян-земледельцев и классом феодалов-землевладельцев.

Крупные хозяйства (княжеские, боярские, монастырские) постепенно подчиняли себе мелкие — крестьянские. Крупные хозяйства владели огромными стадами рогатого скота и тысячными табунами коней. Но в крестьянских хо-

зяйствах часто не хватало скота; коней отбирали для военных нужд. Жестоко эксплуатируемые крестьяне часто вынуждены были переходить на работу к крупным землевладельцам. Гнет эксплуатации народных масс все усиливался и в XI в. стал невыносимым. Целый ряд восстаний крестьян, поддержанных городскими низами, отметили летописцы в XI в. Восстания были неудачными, но напуганные ими феодалы склонны были идти на уступки, развивалась проповедь мягкого отношения к «сиротам» (как называли крестьян), и одновременно возникали новые и новые княжества, происходило феодальное дробление, которое давало лучшие возможности феодалам держать в узде народные массы.

Культура Руси развивалась на основе жесточайшей эксплуатации трудового народа — главным образом крестьянства.

Классовая борьба крестьян с феодалами наложила особый отпечаток на всю культуру Руси. Феодалы выступали по преимуществу как заказчики, работодатели и требовательные идеологические руководители, но непосредственные исполнители заказов феодалов — ремесленники, строители, живописцы, переписчики рукописей — умели вносить в выполняемые ими произведения свои вкусы, свои идеи, свои навеянные русской жизнью темы, мотивы, технические усовершенствования. Иногда эти внесенные исподволь мотивы и темы превращали их изделия в настоящие шедевры народного мастерства.

Нельзя, однако, думать, что заказчики-феодалы только тормозили развитие искусства и литературы. Нет. Это были люди высокой европейской культуры. Они были проводниками полезных культурных воздействий различных стран — воздействий, творчески осваивавшихся и перерабатывавшихся русскими мастерами. Они скапливали в своих руках огромные материальные средства и делали возможным осуществление крайне дорогих предприятий — от обширных храмов и княжеских теремов до богато украшенных рукописей и ювелирных изделий.

*

Основной формой труда в Киевской Руси было, как мы уже сказали, земледелие. Земледелие сделало большие успехи в VIII—X вв. Наряду с подсечным (иначе — огне-

вым или пáловым) земледелием, при котором для подготовки участка под посев вырубали лес, а затем поджигали подсохнувший участок, развивалось земледелие пашенное. Вместо мотыги стала употребляться соха, а затем и плуг.

Археологами найдены зерна ячменя, овса, ржи, пшеницы, проса, гречихи, льна, мака, гороха. Из огородных культур наибольшим распространением пользовалась репа (ее сажали не меньше, чем позднее картофель, она была самой дешевой пищей), капуста, лук, чеснок, хмель, бобы. В садах разводились яблони, вишни, смородина, на юге — виноград.

*

Ремесло было развито и городское и сельское. Делались изделия из железа, керамики, дерева, вырабатывались кирпичи. Существовали искусные строители деревянных и каменных сооружений.

Чрезвычайно важным видом ремесла в домонгольской Руси было ремесло кузнецов. Железо добывалось сыродутным способом главным образом из болотной руды в разных местах страны. Режущие орудия труда, оружие и инструменты изготовлялись из стали, известной в древней Руси под названиями «оцел» и «харалуг», а с XVI в. — «уклад». Микроструктурным анализом стальных изделий домонгольской Руси удалось открыть, что русским кузнецам были известны два вида стали — оба сложной системы выработки. Всего археологами обнаружено до 150 различных видов изделий из железа и стали. Сделанные русскими кузнецами замки, самого разнообразного вида и назначения (различной конструкции висячие замки, замки для дверей, сундуков, ларцев и пр.), вывозились далеко за пределы Руси и были известны в Европе под названием «русских замков».

Обильнее всего была продукция гончаров. Посуда изготовлялась на гончарном круге, покрывалась орнаментом (наиболее типичен линейно-волнистый, состоявший из параллельных горизонтальных и волнообразных линий). Производство гончарных изделий в городе было сложным и разнообразным.

В городе, кроме посуды, делались кирпичи, небольшие плитки для декоративных целей, покрывавшиеся сложным эмалевым узором. Эмалевой поливой покрывалась посуда, игрушки и т. д.

Ремесло в древней Руси не стояло на одинаковом уровне. Ремесло сельских местностей и городское не только различалось по качеству производимых изделий, но и по ассортименту.

Ремесленники городские и сельские отличались друг от друга по самим специальностям. Это показывает, что город резко отделялся в древней Руси от села, свидетельствует о развитости городской жизни.

Из изделий городского ремесла особенно славились в XI—XIII вв. произведения ювелирного искусства, среди них на первое место следует поставить перегородчатые эмали и изделия с чернью. Чернь применяли для серебряных изделий. Блестящее светлое серебро резко контрастировало с глубоким темным матовым тоном черни. Изготавливались изделия с чернью следующим образом. Места на серебре, которые должны были быть заполнены чернью, немного углублялись чеканкой или тиснением и процарапывались резцом для того, чтобы чернь держалась лучше. Затем в эти углубления вмазывался слегка разведенный водой порошок из смеси серебра, свинца, красной меди, серы, поташа, буры и соли и изделия прокачивали в жаровне. После этого края черни и выступающие светлые части дорабатывались резцами.

Перегородчатой эмалью украшались золотые вещи. Делалось это так. На поверхность золота припаивали в виде узоров золотые перегородки, образующие небольшие замкнутые вместилища для эмали. В перегородки насыпали разноцветную эмалевую массу, и вещь затем прокачивали. Эмалевая масса расплавлялась и равномерно заполняла пространство между перегородками, которые становились таким образом как бы обводами разноцветных узоров. Почти так же делалась и выемчатая эмаль с тем только различием, что вместилища для эмалевой массы изготавливались не из перегородок, а путем углублений в металле, чаще всего в меди. Вся сложность этой работы заключалась в том, чтобы точно рассчитать температуру плавления, при которой эмаль не потеряла бы цвета от перегрева и металл не расплавился бы.

Необыкновенно искусна была и филигрань. Филигрань (по-русски «скань») представляла собой изделия из тончайших скрученных («сканных») проволок. Из этих скрученных проволок выкладывались сложнейшие узоры, которые затем слегка припаивались к поверхности предмета или спаивались между собой для изготовления ажурной филигранны.

Близка к филигранны древнерусская зернь, иногда применявшаяся вместе с филигранью. Зернь представляла собой мельчайшие капельки металла (золота или серебра), из которых выкладывались узоры, припаивавшиеся к предмету. Каждое из этих зерен было в 5—6 раз меньше булавочной головки. На отдельных ювелирных изделиях, сравнительно небольших по размерам, можно насчитать несколько тысяч таких зерен.

Вот как описывает технику изготовления женских подвесных украшений — колтов — с зернью известный исследователь древнерусского ремесла академик Б. А. Рыбаков.

«Колты с зернью делались из спаянных вместе пяти, шести или семи серебряных конусов, поверхность которых покрывалась несколькими тысячами зерен металла. Для того, чтобы представить всю тонкость и необычайную кропотливость этой сложной ювелирной работы, укажу, что предварительно на конусы напаивались микроскопические колечки, свернутые из проволоки. На всю поверхность колта их приходилось около 5000. Затем на каждое колечко мастер напаивал по одному крошечному зерну серебра. Труд мастера вознаграждался игрой рельефной зерни».⁵

Заканчивая характеристику ювелирных изделий XI—XIII вв., не могу не привести описание известной оправы с крестовидной прорезью, найденной в Старой Рязани. Вот что пишет об этой оправе Б. А. Рыбаков: «Верхом совершенства ювелирной техники следует считать оправу с крестовидной прорезью из Старой Рязани. Между двенадцатью камнями, оправленными в золото, мастер устроил целый цветник из миниатюрных золотых цветков, посаженных на спиральные пружинки в 4—5 витков, припаянных только одним концом к пластинке. Спиральные стебельки

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 339.

были сделаны из рубчатой золотой проволоки. Цветы имеют по пять тщательно сделанных лепестков, фигурно вырезанных и припаянных к пестику. На пространстве в 0.25 кв. см рязанский мастер ухитрился посадить от 7 до 10 золотых цветов, которые колыхались на своих спиральных стеблях на уровне лиловых самоцветов».⁶

Мы упомянули только наиболее прославленные виды русского прикладного искусства. По-видимому, существовало более 40 ремесленных специальностей, многие из которых достигли значительного совершенства. Так, например, русские навесные замки вывозились во многие страны Европы. Высоким искусством отличались стеклянные цветные браслеты, поливная керамика, резьба по кости, широко известная в Западной Европе под именем «резьбы тавров» или «резьбы русов», которую особо восхвалял византийский писатель XII в. Тцетцес.

В русских городах были целые районы, заселенные гончарами, кузнецами, кожевниками. Много ремесленников проживало в сельских местностях.

*

Высшие формы культуры конца X—XIII вв. — письменность, общественная мысль, литература, живопись, зодчество — были тесно связаны с основным культурным событием того времени — принятием и распространением христианства.

Огромным культурным переворотом, внесшим чрезвычайно глубокие изменения в развитие культуры, позволившим накапливать культурный опыт, знания, развивать художественное слово, закреплять и сохранять словесные произведения для потомства и распространять их среди обширных масс людей, явилось введение единой письменности. По-видимому, отдельные системы письменности существовали на территории Русской земли издавна, особенно в районах, прилегавших к северным берегам Черного моря, где когда-то располагались античные колонии. Археологи находили разные знаки письменности на камнях, глиняных сосудах, кусках дерева. О письменах славян

⁶ Там же, стр. 341.

писали арабские путешественники и географы X в. О «чертах и резах» славян, существовавших издавна, свидетельствуют и древнейшие славянские писатели.

Нужда в письменности появилась с накоплением богатств и с развитием торговли; нужно было записать количество товаров, долги, различные обязательства, письменно закрепить передачу накопленных богатств по наследству и т. д. В письменности же нуждалось и государство, особенно при заключении договоров. С ростом патриотического самосознания появилась потребность вести запись исторических событий. Возникла необходимость и в частной переписке. Следовательно, чем выше было развитие общества, тем больше была нужда в письменности. В разных местах изобретались свои алфавиты или заимствовались чужие.

Конечно, только единая система алфавита могла по-настоящему служить делу общения людей, делу закрепления для потомства их культурных достижений. Такая единая система была перенесена на Русь из Болгарии одновременно с принятием христианства.

Христианство, в отличие от язычества, было религией с высокоразвитой письменностью. Оно обладало собственным, очень обширным составом книг, письменных произведений, обязательных при совершении богослужений, для монастырских чтений, для пропаганды христианства, для обучения служителей церкви. Здесь были сочинения исторические, церковно-певческие, богословские, проповеднические и т. д. Все эти книги с очень сложным содержанием требовали не только единого алфавита, но и высокоразвитой письменной системы в целом.

Первоначально в X в. на Руси появилось из Болгарии два алфавита: глаголица и кириллица. Впоследствии кириллица возобладала и закрепилась. Этим алфавитом с некоторыми изменениями мы пользуемся и сейчас. Появилась система знаков препинания. Появилось умение изготавливать писчий материал из кожи животных, составлять чернила, краски, украшать рукописи орнаментом и иллюстрациями, делать прочные переплеты.

Все это «книжное искусство» было очень высоким уже в XI в. Почерки, которыми писали писцы, были красивыми и четкими, писчий материал (пергамен, чернила) необыкновенно прочным, книжные украшения исключительно

1. Золотая подвеска с эмалью XII в.
Государственный Русский музей.

2. Бронзовый водолей XII в. из Вщижа.
Государственный Исторический музей.

3. Дочь Ярослава Мудрого (по-видимому, Анна — королева Фран-
ции). Деталь фрески XI в. в церкви Софии в Киеве.

4. Музыкант. Деталь фрески XI в. в церкви Софии в Киеве.

5. Скоморохи. Деталь фрески XI в. в южной башне церкви Софии в Киеве.

6. Деталь фрески конца XII в. в Преображенском соборе Спасо-Мирожского монастыря в Пскове.

7. Дмитрий Солунский. Икона XII в.
Государственная Третьяковская галерея.

8. Собор Софии в Новгороде. 1145 г.

изящными, а переплеты иногда такими драгоценными, что о них даже составлялись отдельные записи: кто и где их делал, кто давал на них средства.

От первых русских книг создается впечатление, что мастера, их делавшие, были безраздельно преданы своему ремеслу, делали книги с исключительной любовью, вкладывали в них громадный труд, терпение, старательность. Вот почему в древних русских рукописях сохранилось столько разнообразных «похвал книгам», «книжному чтению», «книжному деланию».

Одно из самых известных славословий книге читается в древнейшей русской летописи под 1037 г.: «Велика бывает польза от учения книжного; книгами мы наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь глубина неизмеримая; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержанию... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей».

Конечно, эта любовь к книге была не случайной. Она вызывалась потребностью в книжном образовании, в знании, в литературе, в исторических сочинениях и т. д. Простого удивительно, какое количество разнообразных, порою очень искусных произведений появилось на Руси в конце X и в XI в. Этому способствовало то обстоятельство, что древнейший русский язык был очень близок к древнейшему болгарскому, а на болгарском языке уже существовала обширная книжность: переводы с греческого и оригинальные болгарские сочинения. Вот почему с принятием христианства на Руси сразу же появилась целая литература по самым разнообразным вопросам.

Кроме чисто церковных произведений, очень различных по содержанию, куда входили и произведения богослужебные, и исторические библейские книги, и проповеди, и «жития» — биографии святых, и сочинения богословские, к нам были перенесены переводы византийских хроник (из них важнейшие — Георгия Амартола и Иоанна Малалы), из которых русские читатели могли получить представление о мировой истории, географические сочинения («Топография» Козьмы Индикоплова, т. е. «плавателя в Индию»), сочинения об устройстве мира («Шестоднев» Иоанна экзарха болгарского), о мире животных (так на-

зываемый «Физиолог»), переводы греческих романов («Александрия» — роман из жизни Александра Македонского, «Девгениево деяние» — повесть о жизни и приключениях византийского богатыря Дигениса Акрита) и т. д. Но, наряду с уже готовыми переводами, в Киеве, Новгороде и других городах стали делаться собственные переводы особенно прославившихся в мировой литературе сочинений. Целые дружины переводчиков работали в Киеве при Ярославе Мудром. Здесь переводились сочинения с греческого и с древнееврейского, а может быть, и с других языков.

Среди русских переводных сочинений особенно следует назвать искусный перевод «Истории иудейской войны», сделанный, по-видимому, при Ярославе Мудром. Это замечательное сочинение, принадлежащее римско-еврейскому писателю I в. н. э. Иосифу Флавию, писавшему на греческом языке, было не только переведено русскими переводчиками с удивительным мастерством, но и дополнено любопытными учеными вставками, о происхождении которых спорят современные ученые многих стран вот уже более столетия.

Но русские не довольствовались одними переводами. Давно уже существовала потребность в русской истории. Этой потребности не могли полностью удовлетворять устные народные предания, сказания, легенды и былины. Возникла необходимость в систематически изложенной истории, проверенной, сопоставленной с историей других стран, извлеченной из самых разнообразных источников: иностранных и своих собственных. Уже в начале XI в., а может быть, и раньше — в конце X в., в Киеве и в Новгороде стали составляться первые летописи. Постоянно разрастаясь, они составили к концу XI—началу XII в. обширный и систематический рассказ, получивший под пером монаха Киево-Печерского монастыря Нестора окончательную литературную отделку под названием «Повесть временных лет».

Если бы от Киевской Руси не дошло до нас ничего, кроме «Повести временных лет», то и этого одного произведения было бы достаточно, чтобы представить себе высоту ее культуры. Это целая энциклопедия древнерусской жизни IX—XI вв. — энциклопедия, дающая представление не только об истории Руси, но и о ее языке, происхо-

ждении письменности, религии, воззрениях на мир, географических знаниях, искусстве, международных связях и т. д.

Повествовательное искусство «Повести временных лет» стоит на очень высоком уровне. Отдельные эпизоды русской истории рассказаны с удивительной наглядностью. Язык этого произведения богат, гибок, точен и лаконичен. Летописец проявляет себя образованным писателем, знакомым с обширным кругом произведений — русских, византийских, болгарских, западнославянских, умеющим пользоваться русским народным эпосом как историческим источником, вставляющим в свою речь народные пословицы, обладающим незаурядным юмором и рассудительностью.

Бесспорно, что ни одна славянская страна и ни одна страна северо-западной Европы не обладала в XI—начале XII в. таким превосходным сочинением по истории своей родины, каким была «Повесть временных лет». Только Византия и Италия имели исторические сочинения, составленные на основе многовековых традиций исторической работы, которые превосходили своею ученостью произведение Нестора.

«Повесть временных лет» не была единственным историческим сочинением своего времени. Еще раньше появилась летопись в Новгороде, летописные записи стали составляться на Волыни, а затем, в XII в., — в Переяславле Южном, Чернигове, Владимире, Смоленске и многих других русских городах и княжествах.

Летописцами выступали самые различные лица — то монахи, то священники городских церквей, иногда игумены монастырей, епископы, библиотекари, посадники и даже сами князья. Это были все люди очень живые, иногда молодые, иногда старые, отличавшиеся большой любознательностью, активно вмешивавшиеся в политическую жизнь, рукой которых водили мирские интересы и политические страсти. Они обрабатывали сочинения своих предшественников и составляли связные рассказы о русской истории за несколько веков.

Уже в XII в. почти в каждом русском княжестве и во многих монастырях велись свои летописи. Эти летописи размножались во многих списках, ими пользовались летописцы для обмена сведениями и для составления больших исторических сочинений — летописных сводов.

Эта работа летописцев поистине изумительна по своей обширности. Несмотря на то, что подавляющая часть летописей погибла, все же сейчас в наших рукописных хранилищах (в первую очередь в Москве и Ленинграде) сосредоточены тысячи летописных книг, изучению и изданию которых посвящают всю свою жизнь специалисты по истории русского летописания.

Помимо летописей с их разнообразным историческим материалом (повествования о походах русских, легенды, сказания, жития святых, грамоты, рассказы о княжеских раздорах, о нашествиях половцев и т. д.), существовала и другая высоко развитая русская литература. Одно только перечисление дошедших до нас сочинений и имен авторов составило бы списки, которые заняли бы целую небольшую книгу. Здесь мы нашли бы исторические повествования, биографии святых (их «жития»), биографии князей (Изяслава Мстиславича Киевского, Даниила Галицкого), повести о феодальных преступлениях (об убийстве Игоря Ольговича, Андрея Боголюбского), поучения и проповеди, патерики (рассказы о выдающихся монахах какого-либо монастыря, например Киево-Печерского).

Одно из самых замечательных произведений русской литературы XII в. — знаменитое «Слово о полку Игореве». Все знают его содержание, его патриотический призыв к единению перед лицом страшной половецкой опасности, его бесценные художественные достоинства. Но если взглянуть на «Слово о полку Игореве» с точки зрения историка культуры — как на свидетельство культурного уровня породившего его общества, то и с этой стороны оно не менее удивительно. «Слово» свидетельствует о высоком чувстве чести, развитом в русском обществе, о чувстве воинского долга, о высоком достоинстве человека, о патриотизме, умении понимать настоящее своей страны в связи с ее историческим прошлым. Трогательный образ верной жены Игоря Ярославны свидетельствует о существовании высоких нравственных идеалов в древней Руси, об умении понимать ценность личных чувств — нежность, любовь, верность, об умении сочувствовать чужому горю. Не менее замечательно в «Слове» понимание психологии воинов, переступивших через границы своей Родины и проникновенно с нею прощающихся: «О, Русская земля, уже за шеломянем еси!» Автор «Слова» сочувствует и одино-

кой смерти на поле битвы князя Изяслава Васильковича и удали Всеволода Буй Тура и тревоге перед битвой. «Слово о полку Игореве» — непререкаемое свидетельство высоты культуры человеческой личности в древней Руси. Именно поэтому так близок автору и мир природы, мир русских городов и сел, вся Русская земля с ее великим историческим прошлым и печальным настоящим. Перед нами одно из самых человеческих произведений мировой литературы.

Высокое развитие литературы в Киевской Руси не может нас удивлять. Оно соединялось с высоким развитием образования. В Киевской Руси существовали различного рода образовательные учреждения. Об одном из них говорит русская летопись под 988 г. После крещения киевлян Владимир «послав, стал брать у знатных людей детей и отдавать их на учение книжное». Судя по Несторову житию Феодосия Печерского, даже в таком окраинном городе, как Курск, в середине XI в. было нечто вроде школы; ребенка примерно десяти лет отдали на учение учителю, у которого он вскоре «изучил всю грамматику». Есть основание думать, что в третьей четверти XI в. в крупных монастырях Киева книжное образование поднималось в церковных рамках до высшего уровня тогдашней европейской науки.

Последовавшее затем феодальное дробление древнерусского государства не было временем упадка просвещения. Период феодальной раздробленности сопровождался ростом областных очагов книжного просвещения. Русская культура того времени концентрируется вокруг многочисленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира-Залесского и др. Во всех этих центрах расцветают летописание, местная литература, создаются местные школы и небольшие очаги образованности при монастырях.

Недаром впоследствии, в XVI в., церковный (так называемый «Стоглавый») собор указывал, что «в старину» в разных русских городах «многие училища бывали, грамоте, и писать, и петь, и читать учили».

О развитии грамотности не только в верхах общества, но и в среде простых горожан свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты XI—XIII вв., найденные

за последние годы во время раскопок в Новгороде. Береста прекрасно сохранилась в сырой новгородской почве, а писали на бересте не легкосмываемыми чернилами, а царапая, выдавливая буквы (особыми палочками — костяными и железными), и это также способствовало сохранности писем. По содержанию — это частные письма, счета, завещания, торговые записи, учебные упражнения и т. д. Все эти берестяные грамоты были когда-то случайно обронены, забыты, выброшены, завалились за бревна мостовой, залежались где-нибудь в углу двора, а затем, в наше время, откопаны осторожными и терпеливыми руками советских археологов.

Перед нами сейчас в этих грамотах открылась сложная повседневная жизнь простого городского люда XI—XIII вв. По этим грамотам мы можем судить о том, что эта жизнь была далеко не такой примитивной, какой она представлялась совсем еще недавно.

*

Непосредственное свидетельство высоты культуры Киевской Руси — памятники зодчества XI—XIII вв., сохранившиеся в Киеве, в Новгороде, во Владимире Суздальском, в Чернигове, Смоленске, Полоцке и многих других древних русских городах.

Первые каменные здания начали строиться на Руси в X—XI вв., а задолго до того русские умели воздвигать сложные деревянные постройки.

Трудовой народ города жил в нехитрых жилищах. Наиболее распространенным типом жилища на юге Руси у сельского и городского трудового населения были полуземляночные жилища с остроконечной крышей. На севере, где леса было больше, этот тип жилища рано сменился наземными бревенчатыми срубными постройками. И те и другие жилища имели печи, топившиеся по-черному, и назывались «истопками», «истбами», «избами», т. е. отапливаемыми помещениями. Рядом с избой бывали и холодные летние помещения — клетки и помещения для скота. Тип северной крестьянской избы, сложившийся в домонгольской Руси, просуществовал в отдельных районах России до XX в. Он мало развивался, так как бедность не позволяла жестоко эксплуатируемому населению вносить какие-либо значи-

тельные усовершенствования в свое жилище. Совершенствовалось лишь устройство печи. В домонгольской Руси печь была глинобитной, куполообразной формы. Окна делались небольшими, волоковыми. По существу это были щели, задергивавшиеся для тепла доской. Лишь богатые жилища феодальной знати имели слюдяные окна, а церкви и княжеские хоромы — даже стеклянные оконницы.

Так или иначе, но плотничное дело достигло на Руси значительного развития. Плотники строили не только избы, но также храмы, грандиозные оборонительные стены на высоких земляных валах, деревянные мостовые, мосты через реки, богатые хоромы и терема знати, гридницы, т. е. большие помещения для пиров и совещаний княжеских гридей — княжеских воинов.

По различным данным можно предполагать, что эти богатые помещения были ярко расписаны, имели разнообразные затейливые кровли и сложные резные украшения. Объединялись плотники в артели, пользовались в работе топорами, молотками, скобелями, долотами. Пила, хотя и была уже известна, но в строительном деле не употреблялась.

В Новгороде был целый район — «конец» города, называвшийся Плотницким. Северные, новгородские плотники славились своим искусством.

С введением христианства русское зодчество испытало плодотворное влияние каменной архитектуры Византии и подвластных ей стран. На Русь приезжали византийские мастера. Однако благодаря наличию на Руси многовековых навыков деревянного зодчества вскоре появились и собственные строители каменных сооружений. Эти первые русские строители, воздвигая храмы в сложных византийских традициях, вносили в свои создания местные технические усовершенствования, стремились отразить свои местные вкусы, приспособляли здания к местным условиям.

Связанное с церковью византийское влияние было на первых порах по преимуществу церковным. Не удивительно, что и первые каменные здания, выстроенные в византийских архитектурных традициях, были главным образом церкви.

И церкви, и парадные дворцы знати отличались в X—XI вв. огромными размерами. Они были светлы внутри,

богато украшены мозаиками и фресками, а снаружи отделаны резным камнем. Церкви обладали великолепной акустикой. Мозаики и фрески покрывали все стены храмов — от пола и до куполов. Орнаменты псалов, выложенные из разноцветных кусков камня, керамики и мозаичной смальты (цветные стекловидные сплавы), были необыкновенно нарядны. Храмы были украшены богатыми золотыми и серебряными сосудами, роскошными византийскими тканями. Из-под сводов свешивались большие хоросы (люстры). Высоких иконостасов еще не было, и поэтому входившие в храм могли свободно видеть все его обширное пространство, всю мощь его сводов и столпов, красоту светлых куполов и великолепие многокрасочного убранства стен.

Необходимо иметь в виду, что храмы древней Руси не были только религиозными сооружениями. В них принимали иностранных послов. В них «сажали на стол» князей, т. е. ставили их на княжества. На хорах хранились казна, библиотека, работали переписчики книг. В храме и около храма собиралось вече из избранных горожан, а в торговых районах города в некоторых из церквей хранились наиболее ценные из товаров, чтобы уберечь их за каменными стенами от пожаров и воров. В Новгороде в храмах собирались братчины (сообщества купцов), устраивались пиры, вокруг храмов объединялись жители улицы или «конца» города. О полусветском-полуцерковном назначении храмов древней Руси свидетельствуют, в частности, и светские сюжеты росписей лестничных башен храма Софии в Киеве. Здесь сохранились изображения охоты, состязаний на ипподроме, скоморошских игр, музыкантов и многое другое. Следовательно, храмы были в древней Руси крупными общественными сооружениями. Вот почему их строили не только монастыри и епископы, но иногда и князья, купцы, объединения жителей той или иной части города, улицы.

От конца X в. дошли до нас остатки обширной Десятинной церкви в Киеве. Этот храм был выстроен при Владимире I Святославиче и простоял до своего разрушения полчищами Батыя в 1240 г. От более позднего времени — времени Ярослава Мудрого — сохранились знаменитый храм Софии в Киеве (около 1037 г.), храм Софии в Новгороде (1045 г.), Черниговский собор Спаса (1036 г.), выстроенный братом Ярослава — Мстиславом. Во второй по-

ловине XI в. были воздвигнуты собор Софии в Полоцке, храм Михаила в Выдубицком монастыре под Киевом и некоторые другие. Все эти сохранившиеся до наших дней храмы свидетельствуют о богатой строительной технике, которой обладала Русь уже в XI в. Мозаики, фрески, нарядные полы Софии в Киеве и Софии в Новгороде дают ясное представление о богатстве их внутреннего убранства.

Известный советский историк Б. Д. Греков так писал о киевских храмах: «Если вы, собираясь осмотреть киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далеких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждет полная неожиданность. Переступив порог Софии, вы сразу попадаете во власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покорят вас своим совершенством, прежде чем вы успеете взглянуться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи. О нем без всякого преувеличения говорил русский митрополит Иларион: „Церковь дивна и славна всем округным странам, яко же йна не обрящется во всем полунощи (севере) землею от востока до запада“. Даже в перестроенном виде, после значительных повреждений в XVII веке, этот храм возбуждал удивление иностранцев. „Вся загадка в том, — пишет Павел Алепский (был в Киеве в 1653 г.), — откуда они (русские, — Б. Г.) добывают этот мрамор, эти огромные колонны, находящиеся вне церкви, потому что во всей этой стране нет ничего похожего на ломки мрамора. Оказывается, что они возили его через Черное море из Маггога, находящегося в окрестностях Константинополя, и потом поднимались большою рекою Niergos (Днепр, — Д. Л.), впадающей в это море, выгружали же в городе Киеве“. Ваше удивление возрастет еще больше, если к этим впечатлениям добавить, что София — не единственный, а может быть, и не лучший памятник этого рода. Рядом с Софией стоял другой храм, рухнувший во время осады города Батыем, так называемый Десятинный, известный также и под именем Софии. Он занимал большое пространство (1542.5 кв. метра, а Ярославова София — 1325, правда, без галерей) и судя по остаткам строительного материала и орнамента, был отделан не беднее Софии

Ярославовой. Множество кусков мрамора (летопись даже называет этот храм «мраморным»), мелкие обломки мраморных баз и капителей, куски яшмы, по-видимому, привезенной из Крыма, остатки пола из разноцветных мраморов, куски стекол и крупного шифера, доставленного, вероятно, с Карпат, частицы стеной мозаики, фрагментов греческих надписей — все это вместе взятое не оставляет сомнений относительно характера здания».⁷

Помимо храмов, в Киеве сохранились остатки каменных Золотых ворот; археологи нашли фундаменты княжеских дворцов и крепостных стен. По остаткам земляных валов времени Владимира и Ярослава мы можем судить о быстром росте Киева, а восстанавливая его планировку, — о величии его парадных въездов, о его площадях и торжищах. По сведениям летописи, на Бабином торжке в Киеве стояли «четыре коне медяны» (медная квадрига коней), привезенные Владимиром I из Корсуни, и два античных алтаря. По сведениям средневекового историка Титмара Мерзебургского, в Киеве к началу XI в. было более четырехсот церквей и восемь торжищ.

С разделением Руси во второй половине XI—XII в. на ряд феодальных княжеств, которые не обладали уже такими гигантскими материальными средствами, как единая Киевская держава, строительство становится менее крупным и более дешевым. Сложная и богатая мозаика в убранстве храмов заменяется более простой фреской, упрощается конструкция храмов, внутренние помещения становятся более тесными и т. д. Однако уменьшение размеров храмов не означало общего сокращения строительства. Напротив, в общей сумме оно возросло чрезвычайно. Количество церквей и каменных построек, выстроенных в XII и начале XIII в., исчисляется тысячами. Образуются разнообразные местные особенности в архитектуре. Новгород и Псков отличаются от Киева суровой простотой своих зданий, но вскоре появляются некоторые различия также и между Новгородом и Псковом. Владимиро-суздальская архитектура отличается от новгородско-псковской изяществом своих пропорций, обилием украшений из резного камня, роскошью внутренней отделки. Одни особенности вырабатывает архитектура Смоленска, другие —

⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 373—374.

архитектура Чернигова. Совсем особенной была архитектура Галицкой земли и Волынской.

Из большого числа киевских церквей XII в. до нас дошли лишь немногие: церковь Успения на Подоле (1131—1132 гг.) и Кирилловская церковь (1140 г.), богато украшенная фресками.

Черниговское зодчество XII—начала XIII в. представлено рядом выдающихся памятников, из которых наибольший интерес имеет собор Пятницкого монастыря. В его архитектуре исследователи усматривают связь с деревянным зодчеством. Это один из первых храмов с особой высокой пирамидальной композицией.

В Новгороде во второй половине XII в. строительство переходит главным образом в руки бояр и купцов. Здесь вырабатывается новый тип небольшого, простого храма, с одним куполом. Церквей этого скромного типа в Новгороде сохранилось несколько. Все они после великолепных соборов XI—начала XII в. кажутся игрушечными, как бы вылепленными от руки, очень живописными и простыми. Особенно славилась в Новгороде церковь Нередицы, построенная в 1198 г. и разрушенная немецко-фашистскими захватчиками. Всю ее от самого низа и доверху украшали яркие фресковые изображения великолепной сохранности.

«Суровая, величавая, ничем не смягченная сила, — пишет М. В. Алпатов, — вот качество, которым отмечено большинство новгородских памятников XII века. В этом отразились характер и нравы новгородцев того времени. Все слишком мелкое, изящное, хрупкое, изысканное не привлекало их симпатий. „Не хитро, но просто“, — так определяет свой стиль изложения русский паломник в Иерусалим игумен Даниил. Это определение хорошо подходит ко всему искусству Новгорода того времени».⁸

В отличие от суровой архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой, княжеское и церковное зодчество Владимира на Клязьме носило парадный и торжественный характер, выделялось изысканностью пропорций, изяществом линий.

Торжественные арки городских ворот — «Золотых», «Серебряных», «Медных», широкие проезды, мощенные

⁸ М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 94—95.

камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие драгоценные полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые по стенам храмов, дорогая утварь — все преследовало цель поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Тщательные разыскания известного советского археолога Н. Н. Воронина позволили восстановить облик загородного замка князя Андрея Боголюбского в подгороднем селе Владимира — Боголюбове.

Замок этот был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями. В центре замка на краю берегового обрыва к реке Клязьме возвышался видный издалика дворец Андрея Боголюбского. Восточный фасад дворца выходил к спуску к речной пристани. Западный был обращен на дворцовую площадь, вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесаными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белокаменная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь изящных, легких, утончавшихся кверху колонн, державших восьмигранную, вероятно, золоченую шатровую кровлю.

Палаты Андрея и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые полы и были расписаны фресками. Их фасады были украшены фресковыми орнаментами, металлическими украшениями, резным камнем и, по-видимому, каменной скульптурой.

Центральным зданием этого замка был дворцовый собор Рождества богородицы. Это — небольшой храм с одной вызолоченной главой, с кровлей, красиво облежавшей своды. Стены его были украшены резным камнем. Внутри собор отличался большим своеобразием. Здесь высились расписанные под мрамор колонны с огромными вызолоченными капителями. Искуснейшие художники расписали собор яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми.

Еще большим великолепием отличался выстроенный при Андрее Боголюбском в 1158—1161 гг. и расширенный при Всеволоде Большое Гнездо в 1185—1189 гг. владимирский Успенский собор. Путем тонкого расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко вздымали своды собора. Зодчие украсили фасады скульптурными деталями. Художники покрыли внутри его стены великолепными фресками. Пол был вымощен разноцветными майоликовыми плитами. Богослужebные сосуды и вся утварь храма были украшены драгоценными камнями и жемчугом. Наружные лицевые стороны Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными капителями. Изящный пояс из стройных вызолоченных колонок тянулся вдоль стен. Между колонками помещались фресковые изображения святых. Вызолоченные флюгера, изображения птиц и другие украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Княжеский летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного «узорочья» собора, который, по его словам, был «измечтан всею хитростью», доступной человеку.

Выстроенная тем же Андреем Боголюбским в 1165 г. на берегу реки Нерли церковь Покрова принадлежит к лучшим произведениям русской архитектуры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью. На стенах этой церкви можно видеть каменные резные изображения библейского царя Давида, играющего на струнном инструменте, львов, голубей, фантастических грифонов, барсов, женские маски.

К 1194—1197 гг. относится строительство во Владимире Дмитриевского собора. «В Дмитриевском соборе, — пишет М. В. Алпатов, — белый камень обработан изящно и легко, как слонобая кость; его строителям было присуще понимание гармонии, которого так часто не хватало романским мастерам того времени. Поэтическая целостность замысла, жизнеутверждающее прославление мира придают настенным рельефам Дмитриевского собора особенную привлекательность».⁹

⁹ Там же, стр. 91.

На стенах Дмитриевского собора изображен, между прочим, Александр Македонский, летящий на грифах. Согласно легенде, Александр Македонский летал на своеобразном летательном аппарате. Он прикрепил к корзине могучих грифов и управлял их полетом с помощью длинных палок, на которые были насажены куски мяса. Грифы устремлялись за мясом и летели туда, куда нужно было Александру.

На обращенном к городу фасаде собора скульптор-каменосечец изобразил самого строителя собора — князя Всеволода Большое Гнездо среди коленопреклоненных подданных. В этой искусной каменной резьбе, выполненной по заказу князя, ярко проявились народные вкусы. Каменная резьба владимирских ремесленников очень близка к русской народной деревенской резьбе.

Созданные по княжескому распоряжению владимирские храмы не только отразили идеологию верхов феодального общества, не только служили целям возвеличивания сильной княжеской власти, но воплотили в себе и творческую инициативу народа. Вот почему они, как и многие другие произведения этой поры, выполненные руками русских «хитрецов», «горододельцев», «изографов» (живописцев), сохраняют и для нас свою непреходящую ценность.

*

О высоком развитии культуры домонгольской Руси свидетельствует и живопись XI—начала XIII вв. Живопись существовала на Руси издавна, но только после принятия христианства здесь под византийским влиянием развились ее тогдашние основные виды: мозаика, фреска, иконопись и миниатюра.

Техника мозаики была перенесена к нам из Византии, где она продолжала традиции еще античного искусства. Изображение выкладывалось из кубиков искусно окрашенного стекла (смальты) или из кубиков цветного камня. На поверхность стены наносился слой цементирующего раствора. На этом растворе делался рисунок, и уже по этому рисунку выкладывалась путем вдавливания в раствор мозаика. Линии, образованные рядами кубиков, создавали эффект рисунка. Полупрозрачная ярко окрашенная

смальта создавала особенную глубину тона. Изображения делались так, что были хорошо видны издали, в них отсутствовала излишняя детализация, все было ясно, четко, легко воспринимаемо.

Техника фрески, также перенесенная к нам из Византии и также связанная своими традициями с античным искусством, была менее сложной. Мастер писал красками прямо по сырой штукатурке, особым образом приготовленной. Краски проникали внутрь сырой штукатурки на некоторую глубину и плотно соединялись с ней. Живопись эта была очень прочной. От мозаики фрески отличались некоторой матовостью красочной поверхности. Мастер, расписывавший стены фресками, должен был работать быстро — пока не высохла штукатурка; поэтому фрески обладают большей импровизированностью и непосредственностью рисунка, чем мозаики.

Иконопись представляла собой живопись яичными красками на особым образом подготовленных досках. Она также имела давние традиции и отличалась уже в своих ранних произведениях высоким мастерством, выразительностью изображений, яркостью красок, сложностью сюжетов.

Наконец, миниатюра была связана со всем искусством писания книги в целом. В миниатюрах применялись разнообразные прочные краски и золото. Миниатюрист умел скупыми средствами изобразить наиболее существенное, передать сложное действие.

Древнерусская мозаика сохранилась только в киевском храме Софии (середина XI в.) и частично та, которая находилась ранее в соборе знаменитого киевского Михайловского Златоверхого монастыря (также XI в.)

Гораздо шире представлены фресковые росписи XI—XIII вв.

В киевской Софии имелись не только церковные росписи, но и светские. Здесь была изображена вся семья Ярослава Мудрого. От нее сохранились фигуры двух младших сыновей и всей женской части семьи Ярослава, среди них его дочерей Анны — будущей королевы Франции и Елизаветы — будущей королевы Норвегии. Особый интерес представляют светские росписи на стенах двух лестничных башен, по которым князь и его приближенные поднимались на хоры храма. Здесь изображены сцены

охоты, состязания на ипподроме, скоморохи, музыканты, фантастические звери и птицы.

Из росписей более позднего времени особенной известностью пользуются фрески в Новгороде (начала XII в.) в соборе Софии, в подклетьях Николо-Дворищенского собора, в соборе Георгия Юрьева монастыря, в Антониевом монастыре и некоторые другие.

Одним из самых замечательных памятников европейской живописи XII в. были фрески церкви Спаса Нередицы (конца XII в.) в Новгороде, разрушенные во время Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками. Фрески покрывали стены этого храма от самого пола до купола. Они отличались прекрасной сохранностью и давали посетителям полное представление об изумительном искусстве древнерусских художников.

Из других памятников фресковой живописи XII в. упомянем росписи Кирилловской церкви в Киеве, Мирожского монастыря в Пскове, церкви Георгия в Старой Ладоге, Дмитриевского собора во Владимире.

Чтобы понять искусство древнерусской фрески, необходимо увидеть за религиозными сюжетами черты действительности того времени, простые человеческие чувства, людей, их создававших. Фрески древней Руси отличаются красотой цвета и линий. Живописцы умели немногими красками создавать впечатление исключительного цветового богатства, умели простыми средствами, избегая мелких деталей, передавать движение, подчеркивать индивидуальные черты человеческих лиц. Изображения монументальны и просты, легко смотрятся с большого расстояния, легко сочетаются с плоскостью стен, не нарушая этой плоскости и всей конструкции храмов с их сводами и столбами. Живопись и архитектура не соперничают друг с другом, а гармонично согласуются в общем стремлении к величественности, торжественности, глубокой значительности изображаемого.

Иконопись XI—XIII вв. была почти неизвестна до Великой Октябрьской социалистической революции. В настоящее время в музеях Москвы, Ленинграда и Новгорода, можно увидеть превосходные иконы этого древнейшего периода. В образах святых в них запечатлены мужественные и суровые люди с умными лицами, полные чувства собственного достоинства, бесстрашия и готов-

ности с оружием в руках отстаивать честь и правду. Особенно характерна в этом отношении икона Дмитрия Солунского из Дмитрова. Предполагают, что под видом Дмитрия здесь изображен владимирский князь Всеволод Большое Гнездо — тот самый, который, по выражению автора «Слова о полку Игореве», мог Дон шеломами вычерпать, а Волгу веслами расплескать.

*

Об обширных культурных связях Руси XI—XIII вв. мы можем судить по многим косвенным данным. Французский средневековый эпос часто упоминает «прекрасную Русь» — ее коней, ее красавиц, изделия ремесла и чудесные кольчуги. О Руси как о сказочной и могучей стране говорят и скандинавские саги. Монах Теофил, живший в XI—XII вв., в своем ученом трактате «О различных ремеслах» ставит Русь по развитию ремесел на второе место непосредственно после самой передовой страны тогдашней Европы — Византии и впереди таких стран, как Германия и Италия.

О многом говорят нам и династические связи русских князей. Сестра Ярослава Мудрого Мария была замужем за польским королем Казимиром, а сестра Казимира была женой сына Ярослава — Изяслава. Другой сын Ярослава был женат на сестре трирского епископа Бухардта. Два остальных сына Ярослава были женаты — один на дочери Леопольда, графа Штаденского, а другой на дочери саксонского маркграфа Оттона. Дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за королем Франции Генрихом I. После смерти короля она вышла замуж за графа де Кресси, а после смерти графа де Кресси жила у своего сына — французского короля Филиппа — и одно время управляла Францией. С ее именем связано во Франции немало различных культурных начинаний. Другая дочь Ярослава — Елизавета была замужем за знаменитым викингом Гаральдом Смелым — впоследствии королем Норвегии. Слава о его подвигах гремела по всей Европе. Он громил берега Италии и Сицилии и, в конце концов, погиб в Англии. Гаральд был поэтом и, когда упорно и долго добивался при дворе Ярослава Мудрого руки Елизаветы, сложил в ее честь песню. Каждая из шестнадцати строк этой

песни, рассказывавшей о его подвигах, заканчивалась словами: «Только русская дева с золотой гривной пренебрегает мною». На фресках Софии в Киеве Елизавету можно узнать среди других дочерей Ярослава по этой самой золотой гривне на шее.

Династические связи русских князей со многими наиболее могущественными государями Европы сохранялись и после Ярослава. Внучка Ярослава Евпраксия Всеволодовна была замужем за германским императором Генрихом IV. Дочь киевского князя Святополка Изяславича Предслава стала женой венгерского королевича, а венгерский король Коломан был женат на дочери Владимира Мономаха — Евфимии. Сам Владимир Мономах был женат на дочери последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого Вильгельмом Завоевателем в знаменитой битве при Гастингсе.

Сын Мономаха Мстислав носил второе англосаксонское имя — Гаральд — в честь своего деда, трагическая судьба которого напоминала и Мономаху и Мстиславу о необходимости объединенного отпора врагам родины.

Обширные династические связи сохранились и в XII и в XIII вв. с Византией, Венгрией и Северным Кавказом. Так, например, могущественная царица грузинская Тамара была замужем за сыном Андрея Боголюбского — Георгием; одна дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла вышла замуж за венгерского короля Стефана III, а другая — за познанского князя Одона.

При дворах русских князей находили себе убежище норвежский король Олаф, сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, император Византии Андроник I Комнин и некоторые другие.

Киев видел посольства Византии и Германии, Польши и Венгрии, римского папы и государств Востока. Русские купцы постоянно появлялись в Византии (Константинополе), в Польше (Кракове), в Чехии (Праге), в Венгрии, в Болгарии, в Закавказье и т. д. В Регенсбурге — важнейшем центре торговли Германии с Русью, существовала даже особая корпорация купцов «русариев», т. е. немецких купцов, торговавших с Русью.

Вот почему киевский митрополит Иларион в своей знаменитой речи «О законе и благодати», произнесенной им в киевском храме Софии в присутствии Ярослава Мудрого

и его двора, мог сказать о Руси, что она «вѣдома и слышима во всех концах земли», а киевский летописец в конце XI в., утешая своих современников, переживших страшный половецкий набег, записал: «Да никто не дерзнет сказать, что мы ненавидимы богом. Ибо кого, как не нас, так любит бог... кого так вознес? Никого!»

«Едва ли в какой-либо другой стране средневекового мира, — пишет академик Б. Д. Греков, — можно встретить так много перекрестных культурных влияний, как на Руси. Византия, народы Востока и Кавказа, Западная Европа и Скандинавия кольцом окружали Русь. Персидские ткани, арабское серебро, китайские материи, сирийские изделия, египетская посуда, византийская парча, франкские мечи и т. д. шли на Русь и, конечно, служили не только предметами потребления богатых классов русского общества, но и образцами для художественного творчества русских мастеров».¹⁰

Приведя эту цитату, известный историк искусства М. В. Алпатов добавляет: «Недаром о былинном гусяре Ставре Годиновиче рассказывается, что одну струну свою он натягивал от Киева, другую от Царьграда, третью от Иерусалима».¹¹

Испытывая культурные влияния наиболее передовых стран тогдашнего мира, молодая и крепкая Киевская Русь не теряла своего национального характера. Русские творчески воспринимали все лучшее и создали свои памятники культуры неповторимого своеобразия.

---

¹⁰ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 396—397.

¹¹ М. В. Алпатов, ук. соч., стр. 39.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ ДО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Вторая четверть XIII в. отмечена в русской истории трагическими событиями татаро-монгольского нашествия. Необычайные военные успехи монголов вселяли ужас в европейские народы. В 1207 г. монголы покорили южную Сибирь, в 1211 г. — Китай, затем Туркестан, Афганистан, Иран. Крупнейшие культурные очаги Средней Азии — Самарканд, Бухара, Мерв — лежали в развалинах. В 1211—1223 гг. полчища монголов захватили Кавказ и Закавказье. В 1236 г. они переправились через Яик и покорили Волжскую Болгарию. В 1237 г. пала старая Рязань, разрушенная до основания после ожесточенного сопротивления, затем пали Владимир, Москва. Татаро-монголы рассеялись по русским городам и селам, «посекая людей, как траву». Через два года монголы овладели Киевом, затем вторглись в Галицию и Волынь, опустошили Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и в 1241 г. появились под стенами Вены, всюду сея смерть и разрушение.

Татаро-монгольское нашествие было воспринято на Руси как космическая катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное. Вот почему знаменитому русскому проповеднику XIII в., Серапиону Владимирскому, для выражения своего впечатления от нашествия приходили на память образы землетрясения.

Катастрофические события второй четверти XIII в. действительно могут быть уподоблены землетрясению: многие города были разрушены до основания, лучшие произведения русского зодчества лежали в развалинах, земля была покрыта пеплом сожженных деревень.

«России определено было высокое предназначение. . . — писал А. С. Пушкин. — Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией. . . но, — добавляет А. С. Пушкин, — Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна».¹²

Не меньшее зло, чем само нашествие, причинило установившееся затем на долгие годы татаро-монгольское иго. Чужеземный гнет пагубно воздействовал на развитие русской культуры. Полностью прекратилось на некоторое время каменное строительство. Сильнейшим образом пострадали ремесла. Татаро-монголы массами выводили ремесленников из захваченных ими городов Средней Азии и Восточной Европы. Так было при взятии Хорезма и Мерва в Средней Азии, так было и при захвате русских городов. Вот почему после татаро-монгольского нашествия не только приостановилось на многие годы развитие ремесел, но ряд их исчез совершенно. Исчезло искусство перегородчатой эмали, прекратилось производство пряслиц из овручского шифера, стеклянных браслетов, перестали выделяться изделия с чернью и зернью, забылась резьба по камню, не стало многоцветной поливной керамики, применявшейся в строительстве (производство последней возобновилось только с конца XV в.), и многого другого.

*

Татарское нашествие разорило сельское хозяйство. Многие поля запустили, поросли сорняками. Постепенно, однако, сельское хозяйство начало оправляться. Все большее распространение стала получать двух- и трехпольная система земледелия. Крестьяне продвигались все дальше и дальше на север и на восток, расчищая леса под пашни. За ними возникали монастыри и строились города. Высеивались рожь, пшеница, ячмень, просо, гречиха, овес, горох, возделывались конопля и лен. Археологами найдены

¹² А. С. Пушкин. О ничтожестве литературы русской. Полное собр. соч. в десяти томах, т. VII, М., 1958, стр. 306.

семена огурцов и тыквы. Сажалась, по-видимому, капуста. В садах росли яблони, вишни, сливы. Есть указание на разведение дынь. Большое развитие получило скотоводство, пчеловодство и охота. Из орудий сельского хозяйства употреблялась соха разных типов, но был уже известен с домонгольских времен и плуг. Сохи и плуги были снабжены железными наконечниками («сошниками» или «лемехами»). Употреблялись также, как и в предшествующее время, различные бороны, косы, серпы, грабли, вилы, но зерно молотось уже не только вручную, а на водяных и ветряных мельницах. Лопаты («рыла») были деревянные, окованные железом по рабочему краю. Большое число находок разнообразных орудий охоты и рыболовства свидетельствует о развитии этих промыслов.

Однако положение крестьян было очень тяжелым. Большая часть земель находилась в руках светских и церковных землевладельцев. Те и другие захватывали земли крестьян. Крестьяне находились в зависимости от феодалов, были обложены повинностями. Под тяжестью эксплуатации крестьяне боролись за землю как могли, стремились найти «управу» в суде, часто вынуждены бывали покинуть свои участки, переходить в другое княжество к другим землевладельцам или прибегать к разбою. Последнее было своеобразной формой протеста против феодального гнета.

*

Уже в конце XIV—XV в. русское прикладное искусство и ремесло вновь достигают высокого совершенства. Показателями этого совершенства могут служить и рядовые изделия, найденные при раскопках в Новгороде и в Зарядье в Москве, и отдельные произведения ювелирного искусства, как например чаша красного мрамора в золотой сканой оправе, выполненная мастером Иваном Фоминым в 1449 г., отдельные изумительные образцы шитья, роскошные, выполненные ювелирами, оклады на переплеты книг и т. д.

Совершенство отдельных произведений прикладного искусства, памятников зодчества, отчасти монументальной живописи объяснялось тем, что прерванное татаро-монголами развитие русских городов и городских ремесел вскоре

возобновилось и городская культура стала расти с новой силой. Роль русских ремесленников в развитии русской культуры этого времени чрезвычайно велика. Они выпускали свои изделия для рынков и увеличивали торговлю между городами, усиливая стремление русского народа к слиянию в единое государство и к преодолению феодальной раздробленности. Развивая ремесла, они способствовали повышению мощи русского войска. В частности, огромное значение имело раннее развитие русской артиллерии. Пушки стали употребляться на Руси уже в конце XIV в. Первое упоминание о пушках относится в летописи к 1382 г. Вскоре появились у нас прекрасные мастера, отливавшие пушки в Москве, в Твери и в других городах. В 1484 г. мастер Яков отлил пушку в 16 пудов (более 250 килограммов) — в четыре раза больше и тяжелее итальянских пушек того же времени.

Ремесленники русских городов были по-своему образованными людьми. В их среде была широко развита грамотность, о чем ясно свидетельствует огромное число частных писем на бересте XIII—XV вв., найденных при раскопках в Новгороде. Существовала среди ремесленников и профессия переписчиков рукописных книг. Исследователь русского ремесла Б. А. Рыбаков считает, что из 110 писцов этого времени, которые известны нам по именам, только 47 были служителями церкви, а остальные 63 — светскими людьми.

Не удивительно, что в среде ремесленников стали развиваться вольнодумство и еретичество. В конце XIV—начале XV в. в Новгороде и Пскове появилась ересь стригольников. Последние выступали против церковной иерархии за равенство всех в делах религии. Идеи стригольников были прогрессивными для своего времени.

В городах часто возникали волнения и целые восстания. В XV в. восстания зарегистрированы летописями в Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске.

*

Меньше других областей культуры на первых порах пострадала литература и, в особенности, литература историческая — летописи. В родной истории русские люди черпали надежду на освобождение, великое прошлое подкре-

пляло их патриотизм, вселяло убеждение в высокое историческое призвание Руси.

Литература середины и второй половины XIII в. представлена замечательными произведениями, посвященными событиям татаро-монгольского нашествия. Здесь могут быть названы две повести о Калкской битве, летописная повесть о взятии Батыем города Владимира, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и ряд других. Все эти произведения овеяны теплой, лирической скорбью о былом величии Русской земли, все они очень эмоциональны, поэтичны, отражают воздействие народной поэзии, и в них нет отчаяния. Напротив, повествуя о страшной гибели русского войска, русских городов, их населения, они с гордостью описывают мужество сопротивления, с гордостью говорят о былой славе Русской земли, подчеркивают моральную победу русских, предпочитавших гибель в бою позорной сдаче врагу.

Особенно известно среди этих произведений «Слово о погибели Русской земли», представляющее собой поэтический плач о «светло светлой и украсно украшенной земле Русьской». Не менее известна и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Ее центральный эпизод — гибель рязанского богатыря Евпатия Коловрата, который, собрав после гибели рязанского войска небольшую дружину, напал на стан Батыева войска и с такою яростью стал рубить врагов, что все Батыево войско пришло в смятение, думая, что мертвые восстали и мстят им за себя. С большим трудом удалось татарам убить Евпатия из стенобитных орудий. Когда принесли тело Евпатия к Батыю, созвал Батый своих мурз, князей и вельмож, и сказали татары: «Мы со многими царями во многих землях на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знающие смерти: так они крепко и мужественно сражаются — один с тысячею, а два с десятью тысячами. И ни один из них не съедет живым с побоища». Батый пожалел Евпатия и отдал его тело похоронить с честью.

К тому же времени относится и известное Житие Александра Невского, где в поэтической форме рассказывается о Невской битве, о Ледовом побоище на Чудском озере, об отношениях Александра Невского с Золотой ордой и о смерти князя.

Вера в силу Русской земли, в существование непокоренных городов сказалась и в «Сказании о граде Китеже», впоследствии послужившем темой гениальной оперы Н. А. Римского-Корсакова под тем же названием. Среди заволжских лесов на берегу озера Светлояра существовал город Большой Китеж. После гибели китежского войска татарам не удалось завладеть Китежом, он стал невидимым, и только иногда люди чистые сердцем могут видеть его отражение в озере Светлояре, слышать звон его колоколов и даже войти в него и укрыться от врагов.

*

Общий подъем культуры начинается в XIV в. Русь возрождается и крепнет. Возникают новые крупные центры хозяйственной и политической жизни: Москва и Тверь. Сохраняет свое былое значение Новгород, куда не смогли дойти войска Батыя. Выгодное положение Москвы в центре северо-восточной Руси, хорошо защищенном окраинными русскими княжествами от опустошительных набегов кочевников, удобство речных и сухопутных торговых путей, связывавших Москву с Волгой и северо-западом Руси, привели к быстрому росту ее населения, богатства и влияния. Именно здесь, в Москве, зреет мысль об объединении всей Руси. Московские князья принимают титул великих князей «всея Руси», московские летописцы ведут единственное в своем роде общерусское летописание, следя за событиями во всех русских княжествах. Дмитрий Донской принимает на себя защиту общерусских интересов и от татар и от Литвы. Постепенно народ начинает смотреть на Москву как на оплот своего единения: под знамена Дмитрия Ивановича Московского собираются войска почти всех русских княжеств, и гром Куликовской победы отзывается во всех русских областях.

Лишь усобицы князей в середине XV в. затормозили поступательное развитие русской государственности и русской культуры. Война Василия Темного с Юрием, а затем с его сыновьями — Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, сопровождавшаяся политическими убийствами, отравлениями и ослеплениями, воочию показала все отрицательные черты феодальной раздробленности. В результате число сторонников сильной кня-

жеской власти Москвы растет особенно быстро — и в среде купцов, и в среде ремесленников, и в среде землевладельцев. С другой стороны, быстрое экономическое развитие русских земель, развитие ремесел и разделение труда, приводившее к усиленному торговому обмену между отдельными областями, экономически подготавливало постепенное политическое объединение русских земель в единое централизованное государство. Процесс объединения Руси ускорился военной опасностью, необходимостью обороны страны от внешних врагов.

*

Со второй половины XIV в., особенно в годы, непосредственно предшествовавшие Куликовской победе, и после нее, начинается возрождение культуры, резкий подъем культурного развития. Характерною чертой этого культурного подъема было особое внимание к государственным интересам страны, к ее национальному объединению под властью Москвы.

Знаменательно, что в поисках опоры для своего культурного возрождения русские обращаются к эпохе былой независимости русского народа — к домонгольской Руси и к ее культуре, к ее политическим идеям, к ее памятникам зодчества, к ее литературным произведениям и т. д. Этот повышенный интерес к старому Киеву, к старому Владимиру, к старому Новгороду в конце XIV—XV в. отразился в усиленной работе исторической мысли, в составлении многочисленных и обширных летописных сводов, исторических сочинений, в обостренном внимании к «Повести временных лет», к «Слову о полку Игореве» и т. д. Московские великие князья озабочены составлением генеалогий, в которых возводят свой род к Владимиру Мономаху и Владимиру I Святославичу. Они претендуют на все наследие киевских князей.

Обращение ко временам национальной независимости — к домонгольской Руси, сказавшееся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имело глубоко народный характер. В этом убеждают русские былины, где эти идеи сказались в полной мере.

Как известно, существуют в основном два цикла русских былин — киевский и новгородский.

Наиболее значительный цикл — Киевский, с его богатырями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем — объединяет действие былин вокруг Киева и киевского князя Владимира Красного Солнышка (Владимира I Святославича), ко временам которого относился расцвет могущества Киевской Руси. Есть все основания полагать, что сложение русского былевого эпоса в этот киевский цикл, начавшееся еще в XI в., особенно усиленно протекало в XIV и XV вв. В самом деле, хотя основные сюжеты былинных песен о князе Владимире относятся еще к домонгольским временам (например, сюжеты, связанные с Добрыней Никитичем, отразившиеся в древнейших русских летописях), однако присоединение к ним сказаний рязанских, тверских, муромских и ростовских не могло совершиться до объединения этих областей в единое государство. Но создание этого цикла явно не могло произойти и после присоединения Новгорода к Москве (т. е. после 70—80-х годов XIV в.), так как новгородские былины (о Садко, о Василии Буслаевиче и др.) не присоединились к этому киевскому циклу: новгородские былины остались без той объединяющей личности, которую получили былины киевские, ростовские, рязанские, муромские в лице Владимира Красного Солнышка, при дворе которого собираются основные русские богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Особенно характерно для этого процесса объединения былин вокруг Киева и киевского князя Владимира развитие былин об Алеше Поповиче, которое мы можем проследить по их отражению в письменных источниках. В одних былинах, наиболее древних, Алеша Попович — «ростовский житель» и защищает Ростов при ростовском князе Константине в XIII в. В других, более поздних былинах, он переезжает в Киев к «единому» русскому князю Мстиславу Романовичу и здесь, на юге Руси, гибнет за общерусское дело в битве с татарами. В третьих — он защищает Киев от половцев при Владимире Мономахе, а в четвертых, наиболее поздних, защищает Киев от печенегов при Владимире Святославиче и уже называется «богатырем» (сперва он только «храбр» — витязь).

Этот переезд Алешы Поповича из Ростова в Киев типичен и для других местных богатырей. В поздних записях

былин — XIX—XX вв. — сохранились рассказы о приезде в Киев Алеши Поповича и Екима Ивановича из Ростова, Ильи Муромца из Мурома, Добрыни из Рязани, Дюка Степановича из «Волынца-Галича». Приезжают в Киев и Чурило Пленкович, и Никита Залешанин, и другие богатыри. В некоторых из этих поздних записей былин говорится о том, что богатырь приезжает в Киев, услышав о нависшей над Киевом опасности. Смысл этих приездов — в отказе богатыря служить местным интересам князей ради служения родине. Впоследствии в былинах смысл этих приездов затемнился, и остались только сами факты приезда местного богатыря в центр — в Киев.

*

К концу XIV—началу XV в. относится и подъем русской литературы, совершившийся на основе того же обращения к традициям времени национальной независимости. В конце XIV в. Москва постепенно становится крупнейшим средоточием литературных сил. Куликовская битва, принеся с собой общий народный подъем, вызвала в Москве появление различных, посвященных ей произведений. Наиболее совершенное из этих произведений — «Задонщина», названная так по месту битвы на Куликовском поле «за Доном». «Задонщина» по существу представляет собою поэтическое прославление русской победы на Дону. Прославление это соединяется с элегической печалью о павших. По выражению автора «Задонщины», — это «жалость и похвала»: жалость по убитым, похвала живым. Моменты восхваления удачно сочетаются в ней с мотивами элегических плачей, радость с «тугою», грозные предчувствия со счастливыми предзнаменованиями и т. д. Естественно, что для своего замысла автор «Задонщины» не мог найти лучшего образца, чем «Слово о полку Игореве». Однако автор «Задонщины» имел в виду не только использовать художественную сторону «Слова». Он сопоставляет события, изображенные в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. Там было поражение русских, здесь совершилась победа. Центральная идея «Задонщины» — идея отплаты врагам. Куликовская победа рассматривается в «Задонщине» как

отплата врагам Руси за поражение, понесенное войсками Игоря Святославича на реке Каяле.

В первой половине XV в. было создано и другое произведение на тему о Куликовской победе, получившее чрезвычайное распространение на Руси в XV, XVI и XVII вв.: «Сказание о Мамаевом побоище».

Куликовская победа послужила толчком для создания еще ряда других произведений о борьбе с татарами. Тема борьбы с чужеземным игом становится излюбленной темой русской литературы. В XV в. перерабатываются в сложные литературные произведения многочисленные народные предания о борьбе с татарами, сохранившиеся в Твери, Рязани, Смоленске и в других русских городах и княжествах.

С конца XIV в. усиленно развивается летописание. Со времени своего возникновения в первой половине XI в. оно ни разу не прерывалось, охватывая своими записями события всех русских земель. Оно велось в городах, в отдельных монастырях, в различных княжеских и епископских дворах. Вся культура того времени была проникнута интересом к своей истории. Особенно усиленно начало развиваться летописание в Москве с конца XIV в. Московские князья основывали свою политику на свидетельствах летописи, на исторических ссылках, умело сообразуя историческое прошлое русского народа с задачами, выдвигаемыми настоящим.

Началу XV в. принадлежит большая московская летопись, получившая позднее название Троицкой.¹³

Кроме Троицкой летописи, в Москве составлялись и другие летописи — обширные, обстоятельные, впитавшие в себя разнообразный исторический материал: исторические повести, жития святых, отдельные документы и т. д.

Большие летописные своды возникают в это время в Твери, в Нижнем Новгороде, в Ростове, в Смоленске, в Пскове и в других городах. Особенно славятся ценностью

---

¹³ Эта Троицкая летопись сгорела в московском пожаре 1812 г., но советский ученый М. Д. Приселков на основании многолетних изысканий сумел восстановить ее текст. Работа М. Д. Приселкова по восстановлению текста давно сгоревшей летописи — одно из замечательных достижений современной филологической науки (М. Д. Приселков. «Троицкая летопись». М.—Л., 1950).

своего исторического материала обширные летописи Новгорода Великого. Но летописи Москвы отличаются от всех них своею особенною внимательностью к истории Киевской Руси и широтой охвата материала: они рассказывают о событиях во всех городах Русской земли, а не только в Москве. Москва сознает себя преемницей Киева и Владимиро-Суздальского княжества, она сознает себя центром всей Русской земли, и ее летописи являлись историей всей страны, а не одного только города или одного только княжества.

Кроме составления новых летописей во множестве переписывались и старые. Две дошедшие до нас рукописи летописей XV в. особенно замечательны: это летопись Ипатьевская, получившая свое название от Ипатьевского монастыря близ Костромы, где она находилась, но переписанная ранее где-то в Псковской области, и летопись Радзивилловская, или Кенигсбергская, находившаяся в XVII в. во владении польских магнатов Радзивилов, а затем в Кенигсберге, и в середине XVIII в. возвращенная в Россию. Радзивилловская летопись, составленная, по-видимому, где-то в Смоленской области, украшена 617 превосходными миниатюрами, иллюстрирующими всю русскую историю до начала XIII в.¹⁴

Никогда не ослабевал на Руси интерес к мировой истории. Эта история была представлена рядом огромных хронографов, из которых более всего был известен в древней Руси так называемый «Елинский и Римский летописец». В середине XV в. была составлена другая всемирная история — менее громоздкая и более удобная в чтении, включившая в свой состав и краткие сведения по русской истории, — так называемый «Русский хронограф».

Особенное развитие в XIV и XV вв. получает живопись. На эту эпоху падает расцвет древнерусской живописи.

---

¹⁴ Летопись эта издана фотомеханически в 1902 г. из страницы в страницу со всеми своими миниатюрами. Обе летописи (и Ипатьевская, и Радзивилловская) хранятся в настоящее время в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде.

Этот расцвет русской живописи в XIV—XV вв. также в значительной мере совершается на основе обращения к произведениям домонгольской Руси. Расписываются старые здания церквей, возобновляются старые памятники живописи. Однако новое искусство живее, искреннее прежнего. Оно полно движения, внимания ко всему индивидуальному. Краски новой живописи, сияющие и жизнерадостные, ближе воспроизводят цвета природы, менее условны и строже согласуются друг с другом.

Расцвет живописи проходит под знаком внимания к человеческой психологии. Человек и все человеческое становятся центральной темой. Изобразительное искусство широко открывается для воспроизведения сложных человеческих переживаний. Художники подчеркивают человеческие страдания Христа на кресте, стремятся передать чувство материнства в богородице и различные психологические состояния святых. Они очеловечивают образы Христа, богородицы, святых. В «священных» сюжетах раскрывается не столько их богословское содержание, сколько психология действующих лиц.

Живопись этой поры обогащается новыми темами, ее сюжеты значительно усложняются, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчеркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстазическое волнение. «Священные» сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее. В изображении человеческого образа сказалось живое наблюдение. Вместо изолированных и неподвижных человеческих фигур с прямо устремленным на зрителя взором, что было так характерно для стенописи XI—XII вв. (например, для фресок Нередицы), живопись XIV в. изображает человека в сложных композициях, в сильном движении. Человеческие фигуры обращены не к зрителю, а как бы вовлечены во внутреннюю, не зависящую от зрителя жизнь. Художники заставляют человеческие тела изгибаться, обращают их друг к другу, разворачивают складки их одежды, как бы колеблемые сильным ветром. Широкие и плавные жесты, легко стремящиеся друг к другу несколько удлиненные фигуры, одежды в многочисленных и беспокойных складках характерны для новгородских фресок той поры, сделавших значительные шаги к реализму. Усили-

лась и роль пейзажа, охваченного тем же бурным, все пронизывающим движением. В орнамент проникают натуралистические детали. Особенно часты в нем растительные мотивы: расцветающие почки, сильно изогнутые листья каких-то фантастических трав.

В трех километрах от Новгорода, на берегу одного из рукавов Волхова — Волховца (или Жилотуга), находилась прославленная своими фресками церковь Успения на Волотовом поле. До разрушения ее фашистами она представляла собою одну из самых больших ценностей русского искусства. Волотовская церковь была построена в 1352 г. архиепископом Моисеем. Главная достопримечательность церкви заключалась в ее прекрасно сохранившихся фресках, основная часть которых относилась к 1363 г.

Фрески Волотовской церкви были выдержаны в одной гамме, сочетающей глубокие серовато-синие тона с розовыми и зеленоватыми. Общая композиция фресок была охвачена единым движением. Человеческие фигуры, скачущие всадники, молниевидные изломы скал казались разметанными ветром по стенам. Большинство сложных изображений имело диагональную композицию, подчеркивавшую движение и прямо противоположную застылости строгих вертикальных композиций XI—XII вв. Изображения исполнены мягко, эскизно, их контуры несколько растушеваны, художник стремился передать ощущение пространства, и фигуры производили впечатление реющих перед стеной призраков.

В композиции «Рождества» поразительно сильно выражено движение волхвов, мчащихся в развевающихся одеждах на белых конях на фоне динамического, напряженного горного пейзажа. Все движение в этой композиции подчинено властному, указывающему вперед движению руки женской фигуры, символизировавшей собою рождественскую звезду, показавшую волхвам путь в Вифлеем.

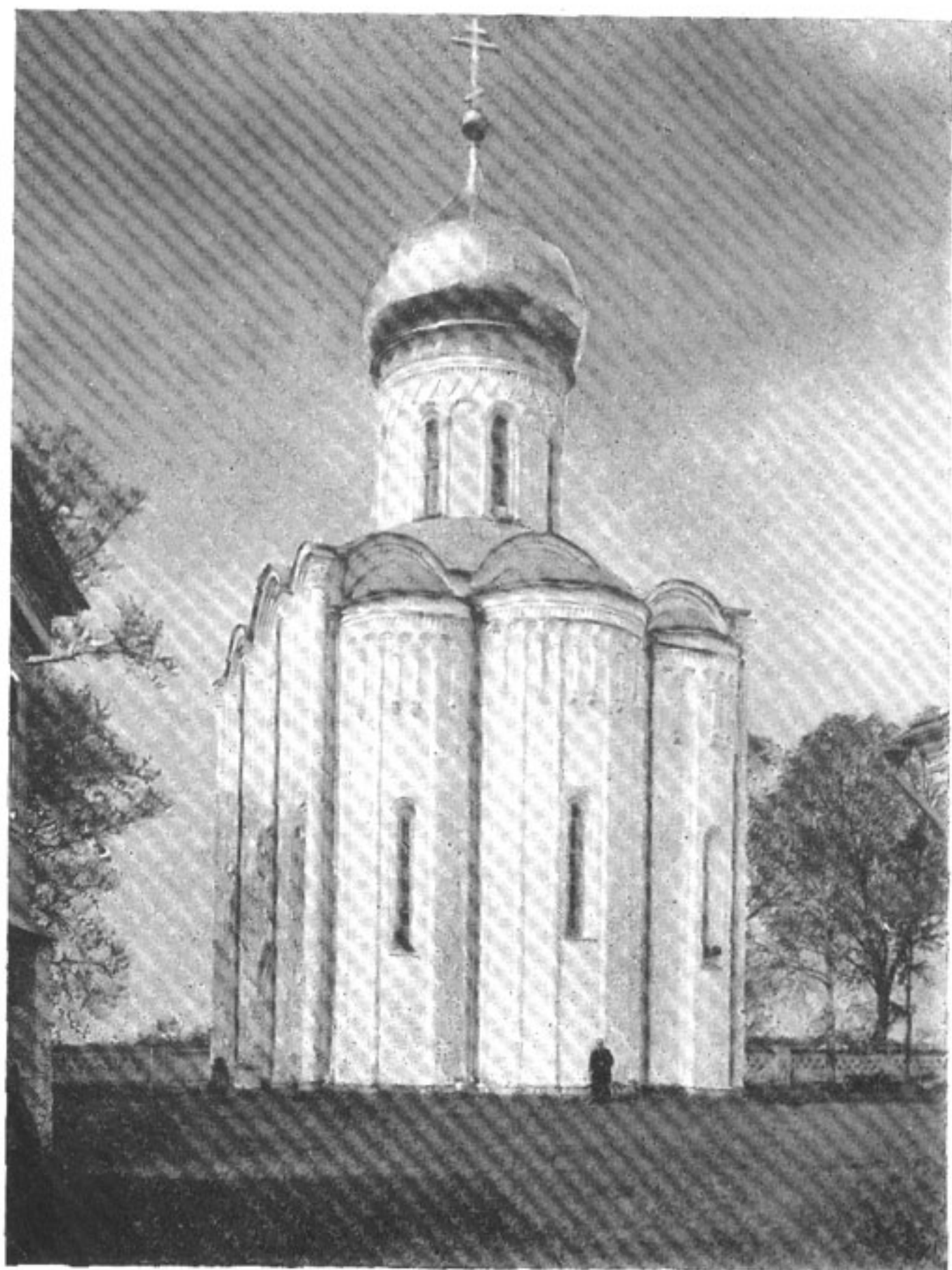
В композиции «Вознесения» апостолы как бы стремятся взлететь вслед за возносящимся Христом. Тем же порывом охвачены извивы пейзажа и складки раздуваемых ветром одежд апостолов.

Исключительной порывистостью отличается поза отпрянувшего от Марии Магдалины Христа в фреске «Воскресение».

9. Успенский собор во Владимире. 1158—1189 гг.

10. Церковь Покрова на Нерли близ Владимира. 1165.

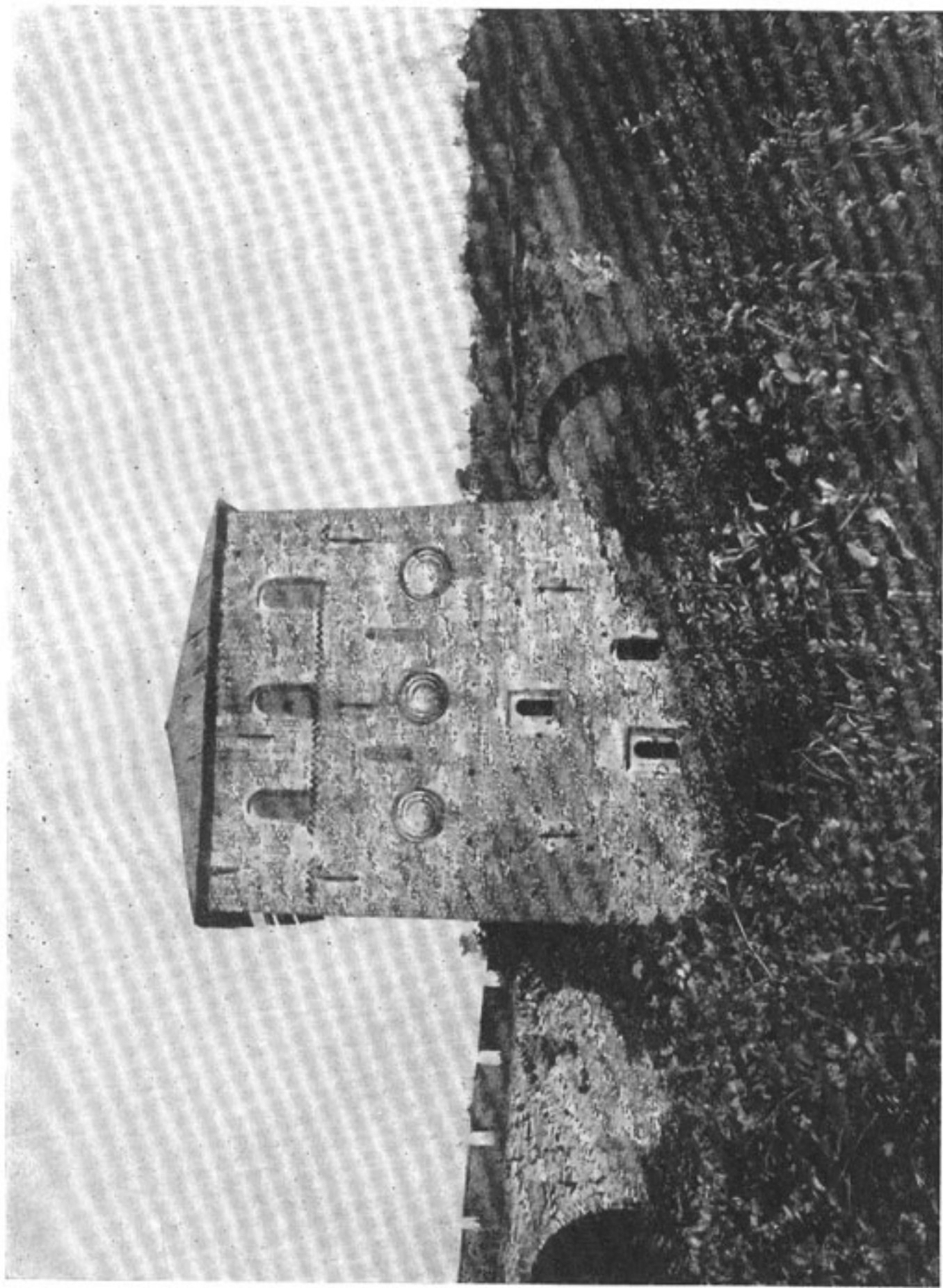
11. Каменные украшения Дмитриевского собора во Владимире.
1193—1197 гг. Деталь.

12. Микудинская чаша XV в. князя Юрия Даниловича.
Государственный Исторический музей.

Handwritten signature or mark.

13. Княжая башня Новгородского Кремля. XV в.

14. Голова ангела. Деталь иконы «Троица» Андрея Рублева.
Начало XV в.

Государственная Третьяковская галерея.

15. Дмитрий Солунский. Деталь иконы из Троицкого собора
Троице-Сергиевой лавры. 20-е годы XV в.

16. Церковь Успения в селе Волоотово близ Новгорода. 1352 г.

В композиции «Воскрешение Лазаря» Мария распростерта на земле и всем телом тянется к ногам Христа; Марфа быстро устремляется от земли к Христу, требуя чуда. Повелительный жест Христа, воскрешающего Лазаря, исполнен силы. Вся композиция проникнута исключительным драматизмом.

Меняется и самый облик богоматери, из величественной «царицы небесной» она становится девочкой с еще детским лицом, остро выражающим человеческую скорбь о Христе (в композиции «Вознесение»).

По своему содержанию и по трактовке «священных» сюжетов росписи Волотова значительно отступали от церковной традиции. Отдельные детали композиций и целые сюжеты были заимствованы из народных легенд, проникнутых ненавистью к богатым, к господствующим классам. Одна из композиций изображает Христа в образе нищего с сумой и посохом, в рубище, босого, пришедшего в богатый монастырь во время пиршества и безжалостно прогнанного игуменом. Жизненны и естественны полные движения позы пирующих, их одежды типичны для XIV в., возможно, даже следуют правилам тогдашней моды.

Не лишены, очевидно, портретного сходства изображения новгородских архиепископов Моисея и Алексея — современников волотовских росписей. Волотовский мастер, гениально расписавший стены небольшой церкви, стремился как бы приблизить религиозные сюжеты к своей современности, насытить их человеческим содержанием (передать психологические переживания), внести в них то религиозное вольнодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде и в Пскове к появлению ересей.

Знаменитые фрески новгородской церкви Федора Стратилата относятся ко времени после 1360 г. (год построения церкви). Точно дата их появления не выяснена. Вероятнее всего они были выполнены до XV в. Фрески Федора Стратилата мягче, лиричнее фресок Волотова. Их розово-сиреневатая, дымчатая гамма еще прозрачнее волотовской. Движение ритмичнее. В более просторных помещениях храма еще резче проявляется характер прозрачности росписи. Вместе с тем в них еще сильнее сказывается сентиментальный, эмоциональный дух, особенно типичный для XIV в. В композиции «Сшествие во ад» Христос всепрощающим жестом привлекает к себе грешников. Он из-

бавляет их от страданий в аду, и грешники, полные любви к своему спасителю, со всех сторон устремляются к нему.

Резко иной характер имели ныне уничтоженные фашистскими захватчиками новгородские фрески Ковалева (1380 г.), которые обычно принято сопоставлять с одновременными им росписями сербских храмов. Ковалевские фрески были вместе с волотовскими одной из самых больших достопримечательностей Новгорода.

Интересным дополнением к перечисленным фрескам являются фрески новгородской церкви Рождества на кладбище и раскрытые в 1937 г. фрески новгородского Сковородского монастыря, уничтоженного фашистскими захватчиками. Фрески церкви Рождества выражают стремление к более отчетливому письму, к многоцветности, к измельчанию рисунка. Теми же особенностями отличались и фрески Сковородского монастыря, выдержанные в синевато-фиолетовых, зеленоватых и желто-оранжевых тонах. Среди расчищенных фресок имелись сложные многофигурные композиции «Вознесение», «Воскрешение Лазаря» и «Вход в Иерусалим», выполненные не одним, а, по-видимому, несколькими мастерами.

Среди художников XIV—XV вв. особое место занимает гениальный мастер — Феофан Грек. Он приехал в Новгород из Византии, но живопись его восприняла многое из русского искусства и в свою очередь оказала сильное влияние на русских художников. Его необыкновенный талант живописной импровизации, расчетливость мазка, необычайная уверенность письма, умение достигать огромного живописного эффекта скупыми средствами, мудрость и глубина содержания, умение проникать в человеческую психологию и характеризовать человеческую личность немногими штрихами справедливо заслужили ему прозвание «философа».

В Новгороде Феофан Грек расписал церковь Спаса на Ильине. Эти росписи и до сих пор поражают всех, кто приезжает в Новгород для их осмотра. Из Новгорода Феофан переехал в Москву, работал в Нижнем Новгороде и, по-видимому, в других местах. В 1395—1396 гг. Феофан Грек совместно с Симеоном Черным расписывает в Москве церковь Рождества богородицы с приделом Лазаря. В 1399 г. он расписывает Архангельский собор Московского Кремля. В 1405 г. вместе со старцем Прохором из волжского города

Городца и знаменитым русским живописцем Андреем Рублевым он работает в кремлевском Благовещенском соборе. Занимался Феофан и светскою живописью: на стене одного из княжеских домов в Москве Феофан изобразил панораму Москвы, а на особом листе — храм Софии в Константинополе. К сожалению, эти последние работы Феофана не сохранились.

Андрей Рублев был младшим современником Феофана. Он родился в 60—70-х годах XIV в. и умер около 1430 г. Его деятельность началась в Троице-Сергиевом монастыре. Оттуда Рублев перешел ближе к Москве, в Андроников монастырь (теперь он в черте города; здесь сейчас помещается музей имени Андрея Рублева), где и умер.

Живописных произведений Андрея Рублева сохранилось немного, но то, что известно о его деятельности, свидетельствует, что все его творчество неразрывно связано с Москвой. Как уже говорилось, в 1405 г. Андрей Рублев вместе со старцем Прохором и Феофаном расписывает Благовещенский собор Московского Кремля. В 1408 г., по приказанию московского великого князя Василия Дмитриевича, Андрей Рублев совместно со своим неразлучным другом Даниилом Черным работает в Успенском соборе во Владимире. В 1424—1426 гг. с Даниилом Черным он был приглашен для росписи фресками и украшения иконами Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре (теперь в г. Загорске). Именно к этому времени относится, по-видимому, и самое совершенное из известных произведений Андрея Рублева — его знаменитая «Троица», ныне хранящаяся в Третьяковской галерее в Москве. До Октябрьской революции «Троица» считалась единственным достоверно принадлежащим Андрею Рублеву произведением. Только в советское время удалось составить более полное представление о творчестве Рублева. Была расчищена часть фресок, выполненных Андреем Рублевым и Даниилом Черным во владимирском Успенском соборе. Около Владимира в селе Васильевском была найдена часть икон из того же Успенского собора. Рублевские иконы удалось обнаружить в Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде и в других местах. Частично были расчищены работы Рублева в Троицком соборе Троице-Сергиевской лавры, в Благовещенском соборе Московского Кремля и т. д.

Гениальное творчество Андрея Рублева всегда привлекало исключительное внимание последующих поколений. Оно стало предметом легенд и страстных споров. С именем Андрея Рублева соединялось все лучшее, что было в древнерусской живописи. Его живописным произведениям дивились современники и отдаленные потомки. О судьбе его икон записывалось в летописи. Исследователи XIX и XX вв. сравнивали Андрея Рублева с прославленными мастерами Италии — Беато Анжелико, Чимабуэ, Перуджино, Джорджоне, Рафаэлем и Леонардо да Винчи, с мастерами античности. И действительно, в творчестве Андрея Рублева есть нечто, что роднит его с лучшими мастерами человечества: глубокий гуманизм, высокий идеал человечности, отличавший и гениев античности и гениев Возрождения.

Творчество Рублева с необычайной силой оживлено дыханием античности, традиции которой передавались на Русь через Византию. Эти традиции обнаруживаются в одухотворенности человеческих образов, в ритме линий, в движении человеческого тела, в замкнутости и совершенстве композиций, в общей глубокой и сдержанной жизнерадостности живописи, исполненной блаженно ясных и глубоких чувств.

Андрей Рублев был первым русским живописцем, в творчестве которого с особенной силой сказались национальные черты. Высокий гуманизм, чувство человеческого достоинства — черты не лично авторские: они взяты им из русской действительности. В этом убеждает воплощенный в его произведениях образ человека. Он не мог быть выдуман художником, он реально существовал в русской жизни. Грубые и дикие нравы не могли дать той утонченной и изящной человечности, которая зримо присутствует в творениях Рублева и его школы. Если бы от XIV—XV вв. не сохранилось ничего, кроме произведений Рублева, то их одних было бы достаточно, чтобы судить о высоком развитии на Руси как человеческой личности, так и общественной культуры. Именно эти «общественные» корни человеческого идеала Андрея Рублева и делают его творчество глубоко национальным. Русский национальный тип лица явственно ощущается в рублевском «Спасе» из звенигородского собора, в апостоле Павле на фреске Успенского собора во Владимире и др.

Лучшее из произведений Андрея Рублева — его знаменитая «Троица» — сочетает в себе богословский символический сюжет с высоким гуманизмом и простой человеческой правдой. Она изображает трех ангелов, явившихся по библейскому рассказу Аврааму. Символика изображения доступна лишь сведущему богослову. Однако на первый план выступает иная, человеческая правда: светлая грусть ангелов, навеянная сочувствием к страдающему человечеству, их безмолвная беседа — раздумье о грядущих судьбах мира, их легкая усталость, сказывающаяся в тихом наклоне их голов, их нежная любовь друг к другу. Замечательно, что грусть Рублева не пессимистична. Это грусть мечты, раздумья, чистой лирики. Жизнерадостность Рублева с необычайной силой передана в ярких, чистых, легких, как бы звенящих красках, в ясности линий и изяществе композиции. С гениальной дерзостью Андрей Рублев согласует между собою яркие, свежие, как бы поющие краски, ничуть не снижая силы цвета, и ставит в центр композиции чистые сияющие цвета драгоценных камней.

Медленнее всего возрождалось каменное зодчество. Общее обеднение страны в результате установления татаро-монгольского ига привело к большому перерыву в каменном строительстве. Во вторую половину XIII в. строительство замирает почти повсюду. Отчасти оно ведется только в Новгороде, в Пскове, в Смоленске, в Галиче. С 1239 г. до начала 90-х годов XIII в. в Новгороде зарегистрировано летописью строительство трех церквей, но только деревянных. Несколько лучше обстояло дело со строительством военно-оборонительных сооружений на северо-западных границах. Военная опасность здесь была слишком велика. Дважды перестраивается деревянный острог вокруг Новгорода, ставится деревянный город — Порхов на Шелони, сооружается деревянная же, а затем перестраиваемая в каменную — крепость Капорье.

В 1292 г. около Новгорода строится первая со времени нашествия Батыя каменная церковь — Николы на Липне. Сильно пострадавшая во время Великой Отечественной войны, но в настоящее время реставрированная, эта цер-

ковь — одна из самых красивых новгородских церквей. Она одноглавая, кровля ее изящно изогнута по трехлопастным аркам. Сравнительно с домонгольскими постройками — она меньше, все здание получило большее единство и устремленность вверх.

Новый тип храма в основном сохраняется в Новгороде в течение всего XIV и XV вв. Наиболее известные из церквей этого типа — церковь Федора Стратилата на Ручье (1360 г.), Спаса на Ильине улице (1374 г.) и Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.), а из погибших во время Великой Отечественной войны: церковь Благовещения на Городище (1342—1343 г.), Спаса в Ковалево (1345 г.) и Успения в Волотове (1352 г.). Отличительная особенность всех этих церквей — декоративные украшения фасадов, не нарушающие общей конструктивной простоты зданий.

Усиленная строительная деятельность в Новгороде относится к середине XV в., когда Новгород, сопротивляясь Москве, всячески стремился возродить свои собственные старые строительные формы и обращался к заимствованиям с Запада. В Новгородском Кремле в это время воздвигается целый комплекс каменных зданий: высокая каменная «часозвоня», грановитая палата для торжественных приемов и заседаний, архиепископский дворец и многое другое. Наконец, в конце XV в. строятся каменные стены Новгородского Кремля.

Общий подъем русского строительного искусства после временного упадка, вызванного нашествием татар, совершается и в других местах северо-западной Руси — особенно в Пскове. Архитектура Пскова близка новгородской, но обладает и своими особенностями: ее формы еще более упрощены. Ее красота — в необыкновенной простоте, скудости украшений. План псковских церквей — четырехугольник, приближающийся к квадрату. Они увенчаны одним куполом, и рядом с ними ставится простая, но изящная звонница.

Замечательно, что все постройки в Пскове возводились крупными строительными артелями. Участие всех жителей позволяло создавать большие крепостные стены, не раз отражавшие натиск врагов. Псковские мастера были настолько искусны, что их впоследствии приглашали в Москву, где они строили не только в самой Москве и в ее Кремле, но и в других городах княжества,

Соперница Москвы Тверь также развивала свое строительство в XIV и XV вв., но о ее постройках известно немного.

В общем развитии русской архитектуры особое значение принадлежало Москве. Здесь общее оживление строительного искусства началось еще до Куликовской победы.

В 1366 г. (по другим сведениям в 1367 г.) началось строительство каменного Московского Кремля вместо деревянных стен Ивана Калиты. Размах работ был грандиозен. Кремль расширился почти до пределов нынешнего. Это строительство было несомненно связано с возвышением Москвы, с укреплением ее боевой мощи, с подъемом ее значения среди других русских княжеств.

С этой поры строительство новых крепостей и церквей ведется не только на северо-западе от Москвы, но и южнее ее — как бы навстречу татарам. В Серпухове будущий сподвижник Дмитрия Донского на Куликовом поле князь Владимир Андреевич строит в 1374 г. дубовую крепость, возводит монастыри и церкви. С 60-х годов XIV в. ведется строительство в Коломне на Оке. Здесь в 1379 г. на месте будущего сбора русских войск под водительством Дмитрия Донского сооружается огромный, самый большой в тогдашней Руси собор Успения. Он был готов как раз ко времени, когда в Коломну подоспели войска всех русских княжеств для выступления против Мамаю. Собор должен был свидетельствовать о мощи Московского княжества, вдохновлять войска на победу. Пришедшие в Коломну войска должны были воочию, в материальном воплощении увидеть мощь Русского государства. И действительно, это было наиболее роскошное и величественное здание в XIV в., превосходившее размерами тогдашний Успенский собор в Москве. В Коломенском соборе сочетались владими́ро-суздальские строительные традиции с народно-русской пирамидальной устремленностью вверх.

После Куликовской победы владими́ро-суздальские традиции еще более развиваются в московском зодчестве.

В конце XIV в. Москва была уже большим городом с огромным количеством гражданских и церковных сооружений. Белокаменная кладка этих зданий, открытая археологами, указывает на то, что Москва продолжала владими́ро-суздальские архитектурные традиции. Об этих же владими́ро-суздальских традициях свидетельствуют сохра-

нившиеся до нашего времени здания: Успенский собор в Звенигороде 1400 г., Троицкая церковь Троице-Сергиева монастыря (1423 г.), собор Саввино-Сторожевского монастыря (1404 г.) около Звенигорода и собор Андроникова монастыря в Москве (одна из самых древних построек, сохранившихся в Москве). Все эти здания близки владимирским храмам XII—XIII вв. и вместе с тем отчасти воспринимают традиции народного деревянного зодчества: новые московские храмы более вытянуты кверху, подражая высоким деревянным церквам с их шатровыми покрытиями.

Подражание деревянному зодчеству в полной мере сказалось в каменных церквах Москвы позднее — в первой половине XVI в., но и в начале XV в. оно было уже достаточно заметно.

Строившиеся без единого гвоздя — только на основе точного расчета искусных конструкций — эти деревянные церкви представляли собой в основном четырехгранный или чаще восьмигранный сруб (последний позволял создавать более просторные и более высокие сооружения, легче сопротивляющиеся ветру), увенчивающийся высокой кровлей шатром с одной небольшой главой. Эти деревянные сооружения были очень декоративны, что отвечало жизнерадостным народным вкусам.

Интерес к эпохе независимости Руси и к народному зодчеству не случаен: зодчество Руси в XIV—XV вв. развивалось в основном под влиянием тех же идей общего народного возрождения и подъема патриотического самосознания, которые были характерны для всех форм русской культуры XIV—XV вв.

*

В XIV и XV вв. на Руси получают известное распространение естественнонаучные сведения, постепенно накапливаются эмпирические знания. Все больше отходят в прошлое многие языческие верования и анимистические представления, — по крайней мере, в господствующем классе общества. Уже меньше пугают воображение русских людей затмения, кометы, грозы. В XV в. переводятся с различных языков лечебники, космографии, сочинения по астрономии. В летописи второй половины XIV в. встре-

чаются точные конкретные описания симптомов чумы. Летописец подробно описывает распространение чумы. Во второй же половине XV в. в практике Русского государства уже применяются заградительные кордоны для предотвращения распространения заразы, слом зараженных домов, чумные кладбища выносятся за пределы города и т. д.

Непосредственное наблюдение над явлениями природы живо ощущается и в других случаях. В одном из сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря находим ряд статей об отдельных явлениях природы. Статьи эти пытаются решить различные сложные вопросы. В одной из них описываются явления атмосферного электричества. Гром и молния происходят, по мнению автора, от столкновения туч, подобно тому, как «и кремень, сразився с железом, грохот испускает с огнем». Объясняет кирилло-белозерский сборник и то, почему запаздывает звук грома сравнительно с молнией: «слышание» — «косно (т. е. инертное, малоподвижное) чувство есть». При этом в сборнике приведена правильная аналогия запаздыванию звука грома: когда дровосек рубит дерево в отдалении, мы сперва увидим удар топора, грохот же слышим только спустя некоторое время.

В кирилло-белозерском сборнике читателям предлагаются и другие статьи: «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О земном устройении», «О расстоянии между небом и землею», «Лунное течение (движение)» и др.

Здесь нет уже представлений о земле — плоскости, как это было, например, в XI—XIII вв. Земля признается шаром, хотя по-прежнему ставится в центр вселенной. По своему положению она подобна «желчи» (желтку) яйца, где белок — воздух, а «черепка» (скорлупа) — небо. Трезвым, деловым характером отличаются фактически цифровые сведения о расстояниях и величине объектов. Указываемые размеры Солнца, Луны хотя и далеки от действительных, но все же приближаются к ним.

Арифметические знания древней Руси, как это видно из применявшихся терминов, выросли на основе практических потребностей торговли. Такое же практическое значение имела и геометрия, развивавшаяся в тесной связи с землемерным искусством: приемы исчисления площадей квадрата, параллелограмма, трапеции, треугольника и т. д.

Практический характер развития отдельных дисциплин чрезвычайно типичен и для других естественнонаучных сведений на Руси XV—XVI вв. Под влиянием потребностей производства возникает интерес к химии красок и чернил, расширяются знания по медицине, анатомии, лекарственной ботанике.

Примером точного знания русскими строителями условий равновесия архитектурных сооружений может служить сложная работа по обновлению сдвинувшихся сводов обгоревшей во время пожара церкви Вознесения в Москве, произведенная мастером В. Д. Ермолиным в 1467 г. По словам летописца, работа эта была так произведена, «яко дивитися всем необычайному делу сему».

Рост эмпирических наблюдений резко сказывается и в литературе путешествий. Русь не осталась в стороне от великих географических открытий конца XV в. В 1466—1472 гг. первым из европейцев тверской купец Афанасий Никитин прошел в Индию и оставил о ней деловитые и обстоятельные записи: «Хождение за три моря».

Умной и разносторонней наблюдательностью «Хождение» Афанасия Никитина выделяется среди других европейских географических сочинений XV—XVI вв. Выдающийся русский востоковед XIX в. И. П. Минаев, рассматривая труд Афанасия Никитина, находит в нем «не один драгоценный факт, важный для понимания староиндийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию». Афанасий Никитин сумел по достоинству оценить чужую страну и чужие обычаи и не изменил своим, сохранив любовь к Русской земле и ее народу.

Путешествовали русские люди не только на Восток. Сохранились обстоятельные описания путешествий русских в Италию на ферраро-флорентийский церковный собор, в Царьград, в Палестину. Русские жили на Балканах, играли существенную роль в политической и культурной жизни Болгарии и Литвы. В последней было особенно много коренного русского населения.

Очень плодотворным для русской культуры XIV—XV вв. было усиленное общение с южнославянскими странами.

Сохранился ряд рукописей, переписанных русскими книжниками в монастырях Афона и Константинополя. С другой стороны, греки, болгары и сербы посещали Нов-

город, Москву и другие русские города. Среди ученых — выходцев из южнославянских стран и из Византии приезжали и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан (болгарин), Григорий Цамблак (болгарин), Пахомий Логофет (серб). Все они сыграли большую роль в развитии русской литературы. Из Византии и южнославянских стран к нам были перенесены многие произведения искусства. Взаимное общение Руси с южнославянскими странами было существенно для культуры Руси, Болгарии и Сербии.

Итак, русская культура в XIV и XV вв. развивалась в тяжелых условиях классовой борьбы народа. Это развитие согревалось идеей национального освобождения от чужеземного ига и объединения всей страны в единое и нерушимое целое. Взоры народа неизменно обращались ко временам, когда Русь была едина, независима и сильна. Вот почему почти во всех областях культуры конца XIV—XV вв. мы видим повышенный интерес ко временам Киевской Руси, к X—XIII вв., к тогдашним произведениям искусства и литературы, к политическим идеям и традициям. Русский народ с особым вниманием обращался к своей истории, и развитие летописания приобрело невиданный размах. Такого количества исторических сочинений и при этом сочинений такого объема и такого влияния на общество не знала ни одна из стран тогдашней Европы. Происходило возрождение культуры, причем та роль, которую в западном Возрождении сыграла античность, в условиях русской действительности XIV и XV вв. принадлежала эпохе национальной независимости — Киевской и Владимирской Руси.

КУЛЬТУРА РУСИ ЭПОХИ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ XV—XVI в.)

В конце XV—начале XVI в. при Иване III Русское государство расширилось почти в три с половиной раза. Были присоединены Новгород (в 1478 г.) и Тверь (в 1485 г.) — две наиболее крупные русские области. Были подчинены Псков (в 1485 г.) и Рязанское княжество (в 1503 г.). На северо-востоке была занята область Перми Великой. Войска Ивана III, перейдя Урал, появились в области Югры, прошли вниз по Иртышу и достигли Оби. Иван III присоединил к Русскому государству многие русские земли, входившие в состав Литовского государства. В зависимость от Москвы была поставлена Казань. Наконец, была прекращена выплата ежегодной дани татарам и тем самым порваны последние остатки зависимости русских княжеств от Орды.

Русское государство внезапно для Европы появилось как могучая сила на международной арене.

Немец Николай Поппель, побывавший в Москве в 1487 г. под видом странствующего дворянина, рассказывал затем в Нюрнберге на съезде германских князей, что московский государь является одним из самых могущественных в Европе. В 1489 г. Николай Поппель вновь приехал в Москву, но уже в качестве посла императора Максимилиана. Император предложил Ивану III титул короля. Иван III гордо отверг это предложение, указав, что он прирожденный государь и принял свою власть от самого бога.

Иван III заключил в 1493 г. союз с Данией, находился в дружественных сношениях с венгерским королем, поддерживал тесные отношения с молдавским государем.

Московский посол Леонтий Плещеев был первым европейцем, отказавшимся стать на колени перед турецким султаном, перед которым трепетала вся тогдашняя Европа.

Основным создателем всех материальных ценностей в конце XV—XVI в. по-прежнему оставался крестьянин. Его тяжкий труд обеспечивал возможность культурного развития России, был истинным двигателем исторического прогресса.

Сельское хозяйство в XVI в. в техническом отношении развивалось медленнее, чем ремесло, все же обработка земли совершенствовалась, все большую роль играла паровая система земледелия с трехпольным севооборотом. Подсечное земледелие сохранялось, но по преимуществу в лесных окраинах севера и северо-востока. В условиях юга сохранялся перелог, а в степной полосе земля нередко обрабатывалась нерегулярно, «наездом», и после снятия урожая забрасывалась. Тем не менее трехпольная система продвигалась все дальше во всех направлениях, по мере того как крестьяне занимали все новые и новые земли на окраинах.

Все большее значение в крестьянском хозяйстве приобретал скот: коровы, козы, свиньи. В огородном хозяйстве появляется дыня, требовавшая сложного ухода. Технические усовершенствования могут быть отмечены в земледелии монастырей. Здесь, в частности, внедряются различные системы мелиорации.

Однако положение крестьян не становилось лучше. Напротив, происходило дальнейшее закрепление крестьян. С конца XV в. крестьянам разрешалось уходить от своих владельцев только один раз в году — в «Юрьев день осенний», после окончания сельскохозяйственных работ.

Изменились и формы эксплуатации крестьян крупными землевладельцами. Все большую роль начинала играть барщина — работа на земле феодала.

Изменения в формах эксплуатации крестьян были связаны с перегруппировкой внутри класса феодалов. В древней Руси существовало несколько видов землевладения. Землю владели государство, монастыри, крупные фео-

дальше-вотчинники. В конце XV и в XVI в. особенно развивается поместное землевладение. Государство давало землю в условное владение служилому дворянину-помещику, который за это обязан был нести службу на государя — по преимуществу военную. Земля оставалась во владении государства, а помещик был только ее фактическим обладателем, извлекавшим доход из работавших на ней крестьян. В XVI в. земель для раздачи помещикам уже явно не хватало — особенно в центральных районах. Государство стремилось ограничить огромные владения монастырей и наследственные земли крупного боярства. Внутри класса землевладельцев происходила поэтому ожесточенная борьба, определилось расслоение на более прогрессивную часть — дворянство, и на часть реакционную — старое родовитое боярство. На стороне государства стояло служилое дворянство — помещики. Служилое дворянство занимало прогрессивные позиции, поддерживая централизаторскую политику государства, но крестьянам при помещиках было отнюдь не легче, чем при боярах.

Усиление эксплуатации крестьян приводило к обострению классовой борьбы. Назревала волна крестьянских восстаний, охватившая всю Русь на рубеже XVI—XVII вв. В культурной жизни трудовой народ начинал постепенно занимать все большее и большее место.

С конца XV и в течение всего XVI в. происходит усиленное развитие ремесла. Совершенствуется техника ремесел, растет дифференциация специальностей, увеличивается производство на рынок. По-прежнему центрами ремесел являются города.

Наибольшего развития достигают ремесла, связанные с выделкою изделий из железа. Здесь особенно следует выделить литье крупных предметов: в первую очередь пушек и колоколов. Пушки и колокола отливались в Москве, Новгороде, Пскове и других русских городах, но особенно славился с конца XV в. великокняжеский пушечный двор в Москве за Неглинной. Русские мастера-пушечники несомненно обгоняли западноевропейских. Размеры русских пушек и колоколов также превосходили европейские. Русские умели отливать пушки без швов, делали их с растру-

бом дульной части, что позволяло увеличивать заряд пороха. Отливались пушки и колокола по восковой модели, сделанной в натуральную величину. При этой технике литья можно было сделать на отливаемых предметах сложные украшения и надписи. В надписях часто отмечалось имя мастера. Так, например, в Москве в 50-е годы XVI в. работал «русский мастер Богдан», отливший множество пушек и пищалей. Искусство ремесла обычно передавалось по наследству. В частности, и упомянутый мастер Богдан имел учеников. Один из них делал на своих изделиях такие надписи: «Богданов ученик пятой». Раньше, чем в Западной Европе, в России начали впоследствии выделывать нарезные пушки, заряжавшиеся не с передней части, а с задней — «казенной».

Среди пушечных мастеров конца XVI в. особенно выделяется Андрей Чохов. Его пушки отличаются высокими техническими качествами, красотой формы и большими размерами. Ему, в частности, принадлежит знаменитая Царь-пушка в Московском Кремле. Вес ее огромен — 40 тонн, калибр — 89 сантиметров (больше употреблявшихся где бы то ни было). Пушка богато украшена, а в дульной своей части, где обычно помещалось изображение, по которому давалось индивидуальное название пушки (барс, медведь, Ахиллес и т. д.), имеет изображение скачущего на коне царя Федора Иоанновича, поэтому она и была названа Царь-пушка.

Из других ремесел особенно высокого развития достигло мастерство серебряников. В одном только Новгороде по данным писцовых книг (книг, в которые заносились данные о населении) их было 222 человека. Они производили филигранную работу, чернь, чеканили и золотили. Славилась и другие тонкие ремесла: резьба по дереву, по кости. Одно из наиболее интересных изделий резчиков по дереву — царский престол в Успенском соборе Московского Кремля, сделанный в 1551 г. Здесь с удивительным искусством воспроизведены эпизоды из жизни Владимира Мономаха.

Чрезвычайно выросло производство кирпича. Огромные строительные работы XVI в. в Москве, возведение кремлей в других городах потребовали колоссального количества кирпича. Только на одно сооружение Смоленского Кремля потребовалось сто миллионов штук кирпича.

В Москве были учреждены Городовой приказ и Приказ каменных дел, в ведении которых находилась вся организация строительства.

Возрождается искусство изготовления изразцов, исчезнувшее после татаро-монгольского нашествия.

Пышного расцвета достигает и деревянное строительство. Умение быстро строить, быстро собирать деревянные постройки и удивительную организованность русских мастеров можно показать на одном примере. Когда русские в середине XVI в. готовились к военным действиям против Казани, они изготовили в верховьях Волги целый деревянный город, быстро спустили его в разобранном виде на барках к Казани и столь же быстро собрали его на противоположном от Казани берегу Волги, прежде чем казанцы смогли организовать сопротивление. Так возник город Свияжск.

О развитии техники дает представление и организация солеваренного дела. Русские умели делать для бурения скважин буровые вышки-копры до 18 метров высотой. Скважины бурились иногда в глубину до 160 метров, в них опускали трубы, через которые нагнетали воду и затем выкачивали рассол, который подвергали потом выпариванию для получения соли.

Водяные мельницы в XVI в. использовались не только для размола зерен, но и для раздувания мехов в кузницах и дляковки железа. Так, в одном из документов 1583 г. упомянут механический молот — «самоков» в 17 пудов весом, приводившийся в движение водой.

О техническом прогрессе в XVI в. дают представление гигантские гидротехнические сооружения Соловецкого монастыря. Система каналов соединяла здесь несколько десятков озер. Были устроены мельница и кузница, меха и молоты которой приводились в движение водой. Через морской пролив между двумя островами была проложена каменная дамба с мостами. Каменные дамбы ограждали рыбные садки. На кирпичном заводе выделялись кирпичи разной формы и размеров, из которых были построены самый большой в России в XVI в. Преображенский собор и превосходившая Грановитую палату Московского Кремля единостолпная палата (палата, своды которой опирались на один центральный столп). Изобретательности потребовала и постройка стен из гигантских валунов.

Отчетливее, чем другое какое-либо искусство, зодчество конца XV—начала XVI в. отразило возросший международный авторитет Руси, явилось воплощением идей эпохи, широких и дальновидных надежд русских людей на блестящее будущее русского народа.

Создание Русского централизованного государства было ознаменовано грандиозным строительством нового Московского Кремля на месте обветшалого кремля времен Дмитрия Донского. В этом строительстве приняли участие зодчие и художники из Пскова, Новгорода, Твери, Владимиро-Суздальского княжества, а также архитекторы самой передовой в архитектурном искусстве страны тогдашней Европы — Италии. Становясь столицей большого европейского государства, Москва объединяла строительное искусство всех русских областей.

В 1475 г. в Москву приехал из северной Италии Аристотель Ридольфо Фиораванти. Это был выдающийся инженер, способный вводить технические усовершенствования, вместе с тем лишенный резко выраженных индивидуальных вкусов, архитектор, послушно выполнявший волю своих заказчиков, способный продолжатель архитектурных традиций своей новой родины — России.

Аристотель Фиораванти приступил к строительству нового Успенского собора Московского Кремля, законченного им в 1479 г. Замечательно, что Аристотель сразу оказался под мощным влиянием русского искусства. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, он совершил обширное путешествие по русским городам. На Успенском соборе сильно отразилось воздействие архитектуры Успенского собора во Владимире и Софии в Новгороде. Русские заказчики поставили Аристотелю за образец Успенский собор во Владимире, и Аристотель с чрезвычайною похвалою отозвался о его архитектурных достоинствах, признав близость его к архитектуре Италии. Аристотель добросовестно учился у русских мастеров. Он проникся уважением к новой для себя родине и в письме к герцогу Миланскому писал, что «находится в великом государстве, в городе славнейшем, в богатейшем и торговом».

Нововведением для Москвы явились четыре круглых столба-колонны внутри церкви, поддерживающие купол и когда-то имевшие фигурные капители. Летописец пишет об этих колоннах, что верх храма покоится «как на четырех деревьях». Аристотель применил при построении собора новые технические приемы: изменил размеры кирпича, состав извести, ввел железные связи вместо деревянных. Кровлю собора делали новгородские мастера, покрывшие его сперва деревом, а затем белым железом. В 1482 г. собор был расписан внутри фресками русских художников.

Таким образом, в Успенском соборе сочетались строительные традиции Москвы, Италии, Владимира и Новгорода. Но сочетание это не повело к эклектизму форм. Напротив, Успенский собор поражает строгою простотою пропорций, лаконизмом своих художественных средств. Элементы итальянской, владими́ро-суздальской, московской и новгородской архитектуры слиты в нем органически, с необыкновенной свободой. Благородная простота здания говорит не только о мастерстве зодчего, но и о хороших вкусах заказчиков, которые, требуя построения нового центра православного христианства и вмешиваясь во все детали строительства храма, не загромождали его, в поисках грандиозного, ненужными деталями.

В 1484—1490 гг. мастера-псковичи построили в Московском Кремле Благовещенский собор, в основном сохраняющий старый тип московской архитектуры. В 1485—1486 гг., возможно теми же псковскими мастерами, выстроена нарядная Ризоположенская церковь на запад от Успенского собора.

В 1487 г. началось строительство огромного дворца Ивана III. Марко Руффо и Пиетро Антонио Солари построили в Кремле Грановитую палату, сохранившуюся до нашего времени в сильно измененном виде. Снаружи палата была выложена белыми гранеными камнями (рустами), от которых и получила свое название. Грановитая палата предназначалась для торжественных приемов и празднований: здесь впоследствии Иван Грозный праздновал покорение Казани, а затем Петр I — Полтавскую победу.

В том же 1487 г. Марко Руффо заложил Малую (или Набережную) палату и др. Постройка дворца, прерванная пожаром 1493 г., была закончена лишь в 1508 г.

В Кремлевском дворце яснее всего проявились русские принципы строительства. В древней Руси дворцовые постройки создавались как комплексы отдельных палат, соединенные крыльцами и переходами и увенчанные разнообразными кровлями. Так было и в строительстве Кремлевского дворца: фасад его выходил на Соборную площадь, здесь находились Грановитая и Золотая палаты, связанные между собою Красным крыльцом. Южное крыло дворца составляли Большая, Средняя и Малая (Набережная) палаты; северное крыло — Наугольная, Постельная, Проходная, хоромы самого великого князя и его приемная. Между южным и северным крыльями помещалась древняя церковь Спаса на Бору. Нижние этажи этих зданий служили подклетьями. Вторые этажи были связаны между собою переходами и крыльцами. Высокие многочисленные кровли дворца поражали разнообразием форм и составляли его самую примечательную часть. В записке архитектора Растрелли, перестроившего остатки этого дворца в XVIII в., сказано: «В оном Кремлевском дворце всего покоев и с погребями находится до тысячи номеров и немалое количество открытых площадок и галерей».

В 1505 г. на старом основании постройки Ивана Калиты был заложен Архангельский собор, законченный через четыре года и, так же как и Успенский собор Аристотеля Фиораванти, сохранивший общий тип пятиглавого русского храма и другие типично русские архитектурные черты. Это был храм-«усыпальница». Сюда перенесли гробницы всех великих князей, начиная с Ивана Калиты.

Наконец, при Иване III были начаты и самые важные строительные работы — постройка стен и башен Московского Кремля на месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского. Исполнителями работ были Антон Фрязин, Марко Руффо, Пиетро Антонио Солари и Алевиз. В разработке плана, возможно, участвовал знаток крепостной архитектуры Фиораванти, но общий замысел Кремля, его планировка, указание последовательности работ несомненно принадлежали самому Ивану III. Все делалось не спеша, планомерно, на столетия вперед. Постройка Кремля производилась частями, постепенными заменами, чтобы не нарушать его обороны.

В первую очередь, в 1485 г., была заложена Тайницкая стрельница (башня) с «тайником», т. е. родником под ней для добывания воды. В случае длительной осады она обеспечивала защитников Кремля водой и вместе с тем укрепляла одну из самых угрожаемых в случае татарского нападения сторон Кремля. Затем два года шла большая подготовка дальнейшего строительства. В 1487 г. Марко Руффо заложил Беклемишевскую стрельницу, а в 1488 г. Антон Фрязин — Свибловскую, также с тайниками под нею. Тем самым в первую очередь была укреплена южная сторона, откуда обычно появлялись татары.

В 1488 г. страшный пожар испепелил Москву из конца в конец. Современники утверждали, что это был самый большой пожар, который когда-либо опустошал Москву. В народе некоторые говорили, что пожар этот возник по божьему гневу за «великую государскую нечесть»: за сломку церквей, монастырей и перенос кладбищ, которые находились перед кремлевскими стенами и мешали обстрелу из кремлевских пушек в случае появления неприятеля. «Князь велики, — говорили суеверные люди, — церкви на Москве все выметал вон, где престол стоял да жертвенник и те места не проходны; а ныне те места не огорожены, так что и собаки на то место ходят и всякий скот».

Пожар несколько задержал производство работ. Однако в 1490 г. Пиетро Антонио Солари поставил Боровицкую стрельницу и Константино-Еленинскую и вывел стену от Свибловской стрельницы до Боровицкой. В следующем 1491 г. Пиетро Антонио Солари совместно с Марко Руффо поставил Фроловскую (Спасскую) стрельницу и Никольскую и построил стену от Никольской стрельницы до реки Неглинной. В 1492 г. Пиетро Антонио Солари поставил Арсенальную (Собакину) стрельницу, заложил стену от Фроловских (Спасских) ворот до Никольской стрельницы и вывел новую стену над Неглинной. Таким образом, вся восточная сторона Кремля была также готова.

Затем снова наступил перерыв, связанный с обширнейшими гидравлическими работами на реке Неглинной: прежде возведения стен надлежало укрепить грунт и берега, расчистить место перед стенами. Несмотря на протесты жителей, в 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглинною; и постави меру от стены до дворов сто сажень да

девять» — в этих пределах запрещались всякие строения.

Русские послы Мануйло Ангелов Грек и Данило Мамырев привезли в 1494 г. из Италии Алевиза, которому были поручены все гидротехнические работы.

В 1495 г. Иван III велел сносить церкви и дворы за Москвою-рекою, и на местах, освободившихся от сноса строений, началось устройство большого сада. Одновременно Алевизом производились работы по постройке западной стены Кремля.

Ивану III не удалось довести до конца постройку Кремля. Он скончался в 1505 г., и работы продолжались при Василии III. В 1508 г. Василий III повелел делать вокруг Кремля выложенный камнем и кирпичом ров. Ров наполнялся водою из Неглинной, на которой были устроены пруды, мельницы, шлюзы, и перерезал Красную площадь от Неглинной до самой Москвы-реки, обратив тем самым Кремль в остров. Проникнуть в Кремль отныне можно было только через подъемные мосты. В 1516 г. через Неглинную был перекинут от Троицких ворот первый в Москве каменный мост с предмостным укреплением на противоположном берегу реки — стрельницей Кутафьей, в ворота которой вели также подъемные мосты. С устройством рва и мостов возведение Кремля было в основном закончено. Тридцать один год велись работы, превратившие Московский Кремль в красивейшую и сильнейшую крепость тогдашней Европы.

В отличие от Миланского замка — второй по силе европейской крепости, с которою Кремль обычно сравнивается, он был выстроен на холме, омываемом двумя реками, и умело применен к местности. Кремль сооружался по последнему слову фортификационной техники, сделавшей в XV в. большой шаг вперед в связи с изобретением пороха и огнестрельного оружия.

Оборонительная линия стен была вытянута не по прямой, а с изломами, — так, чтобы с каждой стрельницы был виден ряд соседних. Это было необходимо для установления стратегической связи между защитниками и для флангового обстрела штурмующего врага. Спасская, Никольская и Беклемишевская стрельницы выдвинуты вперед. Свиблова стрельница несколько отстывает. Стрельницы расположены на таких расстояниях, что с них легко можно было обстреливать соседящее им прясло стены.

Со стороны возможного приступа поставлено больше стрельниц. Поэтому между Тайницкой и Беклемишевской стрельницами — три малых, а между Тайницкой и Водовзводной на том же расстоянии — всего одна. Угловые стрельницы сделаны круглыми, чтобы лучше противостоять разрушительной силе пушечных снарядов.

Стрельницы представляли собой укрепления, способные каждое к самостоятельной обороне. В верхние этажи можно было проникнуть только через узкие отверстия по приставным лестницам. Из стрельниц вели длинные подземные выходы. Ход, открытый в 1894 г., вел от Тайницкой стрельницы через весь Кремль, выходил из Кремля у Никольской стрельницы и уходил к Никольской улице. Другой ход шел от той же Тайницкой стрельницы к Варварке под церковь Василия Блаженного. Стрельницы оборонялись сильными гарнизонами. Каждая стрельница служила преградой для проникновения неприятеля на следующее прясло стены. Вместе с тем из стрельницы легко можно было подать помощь защитникам стены через выходы на прилегающее к ней прясло стены из этажа, находящегося на уровне верхнего хода стены. Благодаря этому можно было, не спускаясь на землю, обойти кругом все стены Кремля.

Верхняя платформа стен (ход по стенам) имела большую ширину и допускала передвижение крупных масс войска. С внутренней стороны Кремля эти платформы держались на арках, которые тянулись вдоль всех стен. Стены обладали тройным боем: подошвенным (нижним) для тяжелых орудий, средним и верхним. Внутри стен существовал ход с бойницами. Бойницы имели глубокие откосы для поворота пищалей или метательных орудий. Верхняя платформа защищалась зубцами в форме «ласточкин хвоста», частью с бойницами, частью без бойниц. Фундамент и цоколь кремлевских стен сложены из белого камня, а остальная часть стен состоит из кирпичной кладки с белокаменным поясом посередине.

Под стенами Кремля шли ходы, выходы и «слухи» для перенимания вражеских подкопов. Со стороны реки Москвы стены Кремля были обведены дополнительной стеной с воротами, поставленными несколько наискось, чтобы исключить возможность прямого обстрела из-за реки. Со стороны Красной площади таких дополнительных стен

было две, они представляли собою возвышавшиеся над уровнем почвы каменные, снабженные зубцами, стены рва. Ров был гладко выложен камнем, наполнен водой. Мосты перед Спасскими и Никольскими воротами были укреплены бастионами, поднимавшимися прямо со дна рва. На самой Красной площади на особом раскате стояли большие пушки, направленные на мост через Москву-реку, откуда могли появиться татары.

Ворота стрельниц были укреплены дополнительными «отводными» стрельницами, сохранившимися до сих пор (например у Спасской башни). Эти отводные стрельницы приставлены вплотную к основной. На уровне второго этажа в отводной стрельнице шла внутри галерея, огибавшая проездой пролет со всех четырех сторон и дававшая возможность обстрела сверху прорвавшегося неприятеля. Кроме того, ворота защищались подъемными решетками.

Внешний вид кремлевских укреплений был очень суров. Стрельницы не имели еще разнообразных островерхих завершений, построенных лишь во второй половине XVII в. Ощетинившийся тройным рядом стен, вооруженный многочисленной артиллерией, в которой имелись и громадные бомбарды, Московский Кремль был живым олицетворением неприступной силы Русского национального государства.

В 1535—1538 гг. укрепления Кремля были расширены устройством великолепных боевых стен Китай-города. Китай-городская стена имела тройной бой (верхний, средний и подошвенный), была укреплена монументальными башнями очень разнообразной формы и защищена глубоким рвом, тайниками, подземными ходами. У Никольских ворот находился огромный подземный водоем, где сохранялась вода на случай осады.

Несмотря на то, что в Москве сосредоточился обширный круг архитекторов итальянского Возрождения, вложивших большую долю своего труда в создание Московского Кремля, итальянского архитектурного ансамбля в Москве не получилось. Постройка Кремля была основана на чисто русских архитектурных принципах.

Расположение итальянских замков не учитывало особенности местности: итальянские архитекторы стремились выровнять неровности почвы и клали в основу планировки крепостных сооружений простые геометрические фигуры —

прямоугольник, восьмиугольник и т. д. Для итальянского Ренессанса были типичны строго замкнутая система форм, красота чистых пропорций, подчеркнутая четкость членений. Архитектура Ренессанса почти не знала соединения разнородных частей в одно целое.

Иное дело — архитектурный ансамбль Кремля. Он был тесно связан с местоположением: с холмом, который плавно огибали стены, с реками Неглинной и Москвой, по берегам которых протянулись кремлевские укрепления. Не систему чистых пропорций, а живописное сочетание архитектурных объемов, громоздящихся и теснящих друг друга, представляет собою ансамбль Кремля. Из-за суровых стен Кремля вздымались кверху жизнерадостные русские золотые купола, пестрые маковки, затейливые и разнообразные кровли кремлевских теремов.

Русская архитектура Кремля отличалась живописными контрастами, для нее были типичны сочетания построек различных стилей различных эпох, легко становящихся органическими частями «своего» — русского. Даже обычные русские дворцовые постройки представляют собою сочетания множества отдельных строений, соединенных между собою переходами, крыльцами и лестницами. Высокие кровли этих построек, исключительно разнообразные по форме: кубастые, шатровые, бочками, колпаками и т. д., — самая характерная часть русских строений, всегда рассчитанных на вид издалика, на живописное соседство с контрастирующими им постройками. Так точно и в ансамбле Московского Кремля: стены его сочетаются со всеми другими строениями; они обрамляют выступающие из-за них типичным русским «кустом» здания; своею суровостью они повышают ощущение полноты жизни, свойственное яркой, живописной и праздничной русской архитектуре.

В русской архитектуре нет диссонанса между старым и новым, чужим и своим. Русский архитектурный ансамбль легко включает и подчиняет себе резко противоположные формы. Вот почему кремлевский ансамбль продолжал органически развиваться и после своего создания — в XVI, XVII вв. К итальянским стенам прибавились русские и английские затейливые островерхие завершения.¹⁵ К зда-

¹⁵ Английский архитектор Христофор Галловей построил, например, в XVII в. верх Спасской башни Кремля.

ниям XIV—XV вв. прибавились строения XVI, XVII, XVIII, XIX и XX вв. И Кремль продолжает жить как целый архитектурный ансамбль, поразительный по своей всеобъемлющей широте, по своей способности включать в себя, ассимилировать архитектурные создания различных веков и различных народов.

Ансамбль Кремля, располагаясь на крутом берегу Москвы-реки, открыто обращен во внешнее пространство; он чужд ренессансной замкнутости, исполнен открытой, властной и покоряющей красоты. Создание различных зодчих — русских, итальянцев, англичан — он русский по своей архитектурной идее, русский по самому своему духу. Торжественный и жизнерадостный, классически спокойный и интимно лиричный, Московский Кремль — живая история русского народа.

Вслед за Московским кремлем строятся кремли и в других городах: в 1500—1511 гг. в Нижнем Новгороде, в 1514—1521 гг. в Туле, в 1531 г. в Зарайске, в 1525—1531 гг. в Коломне, обновляются стены Новгорода и Пскова. Новые оборонительные стены возводятся вокруг торгового центра Москвы — Китай-города (1534—1538 гг.). Возникают монастыри-крепости на окраинах Москвы (Новодевичий монастырь в 1525 г.) и по всему Русскому государству. На севере сооружаются суровые стены Соловецкого монастыря (1581—1594 гг.), Кирилло-Белозерского и т. д.

*

Сложение новой национальной архитектуры этим не ограничилось. Национальные задачи, которые стояли перед Русским государством, поставили перед архитектурой проблему перенесения в каменное зодчество форм народного деревянного зодчества, наиболее, может быть, национального в своем типе. Русская деревянная архитектура стояла на высоком техническом уровне. Деревянные здания строились без единого гвоздя — путем совершенных конструктивных соединений. Здания отличались большой красотой, гармонировали с окружающим пейзажем и вместе с тем были очень нарядны. Особенно нарядными были верхи зданий с кровлями самой разнообразной формы. Одной из самых излюбленных форм кровли был шатер.

Шатровые кровли были очень высоки, красивы, практичны, так как на них не задерживался дождь и снег, и форма этих деревянных кровель стала переноситься в каменное зодчество. Русская каменная архитектура первой половины XVI в. шла по пути создания каменного шатрового храма. Этот новый тип каменного храма заимствовал свои формы из народного деревянного зодчества; постепенно усложняясь, он достиг необычайной декоративности, отвечавшей народным вкусам.

Первые опыты перенесения форм деревянной архитектуры в каменную относятся к очень давнему времени. Их, по-видимому, можно было найти на Руси еще до татаро-монгольского нашествия. Они были и в старой Москве (церковь Ивана Лествичника с колоколами наверху, 1329 г.), и в Новгороде (круглая, «что столп», церковь в Хутыне, 1445 г.), и в Александровской слободе. Однако только в XVI в. проникновение в каменное зодчество форм народного деревянного зодчества приобретает широкие размеры и идейную целеустремленность обращения к народным началам.

В первой половине XVI в. была построена знаменитая Вознесенская церковь великокняжеской дворцовой усадьбы в селе Коломенском. Характерно, что строительство нового, близкого к народному деревянному зодчеству храма принадлежало инициативе великого князя, а не митрополиту. Церковные власти строже придерживались традиционной, идущей еще из Византии, планировки храмов. Великий князь мог свободнее воплощать в создаваемых по его инициативе церквях новые вкусы и общенациональные тенденции.

Вознесенская церковь (1532 г.) поставлена на фоне безбрежной дали на высоком холме над Москвой-рекой. Она идеально гармонирует с окружающей природой и словно вырастает из холма, с которым связана раскидистыми открытыми лестницами.

Это в полной мере русская во всех своих формах постройка, хотя и использовавшая в декоративном отношении некоторые итальянские мотивы, внесенные, однако, в постройку с отступлением от правил итальянской архитектуры. Легко стремящийся вверх огромной высоты «столп» смело увенчан высоким каменным шатром исключительной красоты. Высота Коломенской церкви превы-

шает 60 м. Основную часть постройки составляет типично русский, стремительно взлетающий двадцатиметровый восьмигранный шатер. Кокошники смягчают уступы ярусов; мощные стены лаконично и выразительно украшены «стрелами» готического типа.

Сейчас церковь белая, но первоначально она была двуцветной: на основном красном кирпичном фоне ярко выделялись выполненные белым известковым камнем детали. Двуцветность здания удачно подчеркивала архитектурную форму церкви. Впоследствии, в XVI и в особенности в XVII в., такая двуцветная тональность стала излюбленной в русской архитектуре. Те же два цвета — белый и красный — имела при своем построении и церковь Василия Блаженного на Красной площади.

Коломенская церковь произвела на современников сильнейшее впечатление. Освящение ее было отпраздновано Василием III с необычайной торжественностью. Летопись отметила ее красоту и «величество»: «Допрежь такой не бывало на Руси».

Французский композитор Г. Берлиоз, побывав в России в середине XIX в., так выразил свое впечатление от церкви в Коломенском: «Ничто меня так не поразило, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском. Много я видел, многим я любовался, многое поражало меня, но время, древнее время в России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес. Я видел Страсбургский собор, который строился веками, я стоял вблизи Миланского собора, но, кроме наlepенных украшений, я ничего не нашел. А тут передо мной предстала красота целого. Во мне все дрогнуло. Это была таинственная тишина. Гармония красоты законченных форм. Я видел какой-то новый вид архитектуры. Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленный».¹⁶

В 1560 г. был закончен знаменитый собор Покрова «что на рву», позже ставший известным под названием Василия Блаженного. Его создателями были два русских мастера — Посник и Барма. Были они, по замечанию летописи, «премудри и удобни таковому чудному делу».

¹⁶ Цит. по кн.: Н. Н. Воронин. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства, М., 1960, стр. 19.

Храм Василия Блаженного состоит из восьми столпов, окружающих центральный девятый. Этот оригинальный план позволил создать сооружение удивительно нарядное, праздничное, похожее на гигантское растение, на цветущий куст. Отдельные части здания (купола, орнаменты, раскраска) и в самом деле имели растительные формы, при этом очень сложные, затейливые и разнообразные.

Храм Василия Блаженного был сооружен в память взятия Казанского царства. Он был поставлен среди торговой части Москвы, обращен к народу, должен был отвечать его вкусам. Вот почему он отличается жизнерадостными чертами и тесно связан с принципами деревянного народного зодчества.

Итак, образование Русского национального государства было ознаменовано постройкой Московского Кремля, центральной святыни Русского государства — Успенского собора и кристаллизацией нового национального, отвечавшего народным вкусам, архитектурного стиля, отчетливее всего воплотившегося в строгом и мощном взлете Вознесенской церкви села Коломенского.

*

В живописи рост Русского государства в конце XV — начале XVI в. отражен произведениями знаменитого русского мастера Дионисия — художника огромной силы и неистощимой творческой фантазии. Родился Дионисий, по видимому, в 30—40-х годах XV в. — расцвет его творчества относится ко времени интенсивного строительства в Москве. В 1481 г. Дионисий совместно с Тимофеем Ярецом и Конем пишет иконы Успенского собора Московского Кремля. В 1488 г. эти же мастера работают для Ростовского собора. В 1484 г. целая артель живописцев, в которую входили Дионисий и его два сына — Владимир и Феодосий, — расписывает собор Иосифо-Волоколамского монастыря. Между 1500 и 1502 гг. Дионисий с сыновьями работал в белозерском Ферапонтовом монастыре, где расписывал церковь Рождества Богородицы. Сохранившиеся росписи этой церкви — одно из величайших сокровищ мирового искусства.

Пропорции человеческих фигур в ферапонтовских росписях сильно удлинены, головы невелики, контуры растянуты,

движения плавны и важны. Людские фигуры кажутся гигантами, медленно реющими в широком и свободном пространстве. Прекрасные нарядные фигуры святых воинов свидетельствуют о прочных представлениях о правах человека, о достоинстве человеческой личности, о высоком сознании чести воина. Особенно замечательны женские образы Дионисия, исполненные благородства и утонченной женственности.

В ферпантовских фресках много изображений нарядных пирующих людей, одетых в одежды из дорогих тканей. В этом нашли отражение вкусы феодальных верхов. Тематически произведения Дионисия в основном посвящены «покровителям» Москвы — богородице, митрополитам Петру и Алексею. С культом богородицы связана у него тема семьи, рост значения которой характерен для русского общества XV—XVI вв. Эта тема в росписях Дионисия раскрыта в сценах, изображающих рождение младенца, его омовение, радость родителей, ласкающих его, младенца, играющего на руках у матери, и т. д.

Характерное для XVI в. стремление к обсуждению разных вопросов общественной и государственной жизни ярко отразилось и в живописи. XVI век — это очень «говорливое» время. Дух повествования пронизывает собой фрески и иконы. Наглядный пример тому росписи Золотой палаты Московского Кремля. Они были выполнены в 1547—1552 гг. московскими, новгородскими и псковскими мастерами. Росписи не сохранились, до нас дошло лишь их описание XVII в. Они воспроизводили и средневековые представления о мире, и политические идеи Русского государства. Живопись имела полусветский и нравоучительный характер. На одной из стен были изображены аллегории: Весна, Лето, Осень, Зима, Воздух, четыре Ветра, Правосудие, Отечество, некоторые притчи, сцены из русской истории — крещение Руси, деяния Владимира Мономаха, посылка византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Мономаху «шапки Мономаха» и т. д.

То же повествовательное и аллегорическое начало широко проникло и в иконы. Одна из наиболее известных икон середины XVI в. — «Церковь воинствующая» (хранится в Государственной Третьяковской галерее), где под видом отвлеченного сюжета — торжественного шествия

войнов к небесному Иерусалиму — изображено, вероятно, победоносное возвращение в Москву Ивана Грозного со всем своим войском из занятой Казани.

Интерес к идейному содержанию живописи, к повествовательному началу в ней повлек за собой целый ряд изменений: забота о колорите отодвинулась на второй план. Художники стремились уместить в иконы как можно больше фигур, как можно больше рассказать ими и в связи с этим мельчили изображения. В живопись проникают и бытовые детали, черты современной художникам архитектуры и т. д. На первый план выступила пышность отделки икон, их начинают украшать драгоценными золотыми и серебряными окладами, покрывающими почти всю живопись, кроме лиц, рук и ног изображенных людей. Чтобы подчеркнуть блеск золота, все не покрытое им (лицо, руки и ноги) сознательно писали темными красками.

*

Перед Русским государством XVI в. стояли совсем особые задачи по преодолению пережитков областной раздробленности в быту и в культуре. В каждой из русских областей были свои особенности в письме, в литературном языке. Несходства обнаруживались в церковной жизни, в судебных установлениях, в монетной системе, даже в быту и одежде. Эта «раздробленность» культуры сильно тормозила развитие письменности, литературы, зодчества, техники, мешала развитию культуры в целом. Необходимо было укрепить государственную власть, повысить ее авторитет в международных отношениях и внутри страны. Необходимы были реформы в организации управления страной, в военном деле, в законодательстве и т. д. Забота о внешнем облике русских городов и прежде всего Москвы, о создании исторической теории происхождения русской великокняжеской власти, об объединении всех исторических сочинений в единых летописных сводах составляет характерную черту этого времени.

Мыслью о реформах занято все русское общество этого времени. Публицисты наперебой предлагают свои проекты, стремятся убедить русского великого князя, а затем и царя, в необходимости тех или иных преобразований.

Литература приобретает явно выраженный публицистический характер. Писателей интересует все: вооружение и организация войска, церковное землевладение, наделение помещиков землей и крестьянами, роль крестьянства в стране, борьба с злоупотреблениями, ответственность монарха перед своими подданными, происхождение царских регалий и т. д.

Политическая теория русского государства нашла себе выражение в «Сказании о князьях владимирских». Этим «Сказанием» пользовалась русская дипломатия, отстаивая престиж Русского государства. Темы «Сказания» были изображены на барельефах царского престола в Успенском соборе Московского Кремля. На нем основывались официальные государственные акты и чин венчания на царство. Согласно этой теории московские государи были прямыми потомками римского императора Августа через Владимира I Святославича.

Были и другие сочинения и теории, пытавшиеся обосновать мировую роль Русского государства. Русские люди все чаще и чаще задумывались над вопросами мирового значения своей страны. Большую известность получила, в частности, теория псковского старца Филофея. Теория эта утверждала, что в мире существует вечное царство Рим. Это царство преемственно переходит из одной страны в другую. Первый Рим был в Италии и погиб, созратившись в католичество. На смену первому Риму явился второй Рим — Византия. Но и Византия была захвачена турками (это произошло в 1453 г.). На смену Византии пришла Москва. Москва — третий Рим, а четвертому Риму не бывать.

Повести о Вавилонском царстве рассказывали чудесную историю царских регалий. Повесть о новгородском белом клобуке говорила об особой роли России во вселенской церковной жизни и, в частности, подчеркивала значительность новгородской церковной святыни — белого клобука, который новгородские архиепископы получили якобы из Византии, куда он был перенесен из первого Рима — от папы Сильвестра.

Стремление обосновать особую церковную значительность Русской земли сказалась в массовых составлениях житий (биографий) русских святых и в установлении их повсеместного культа.

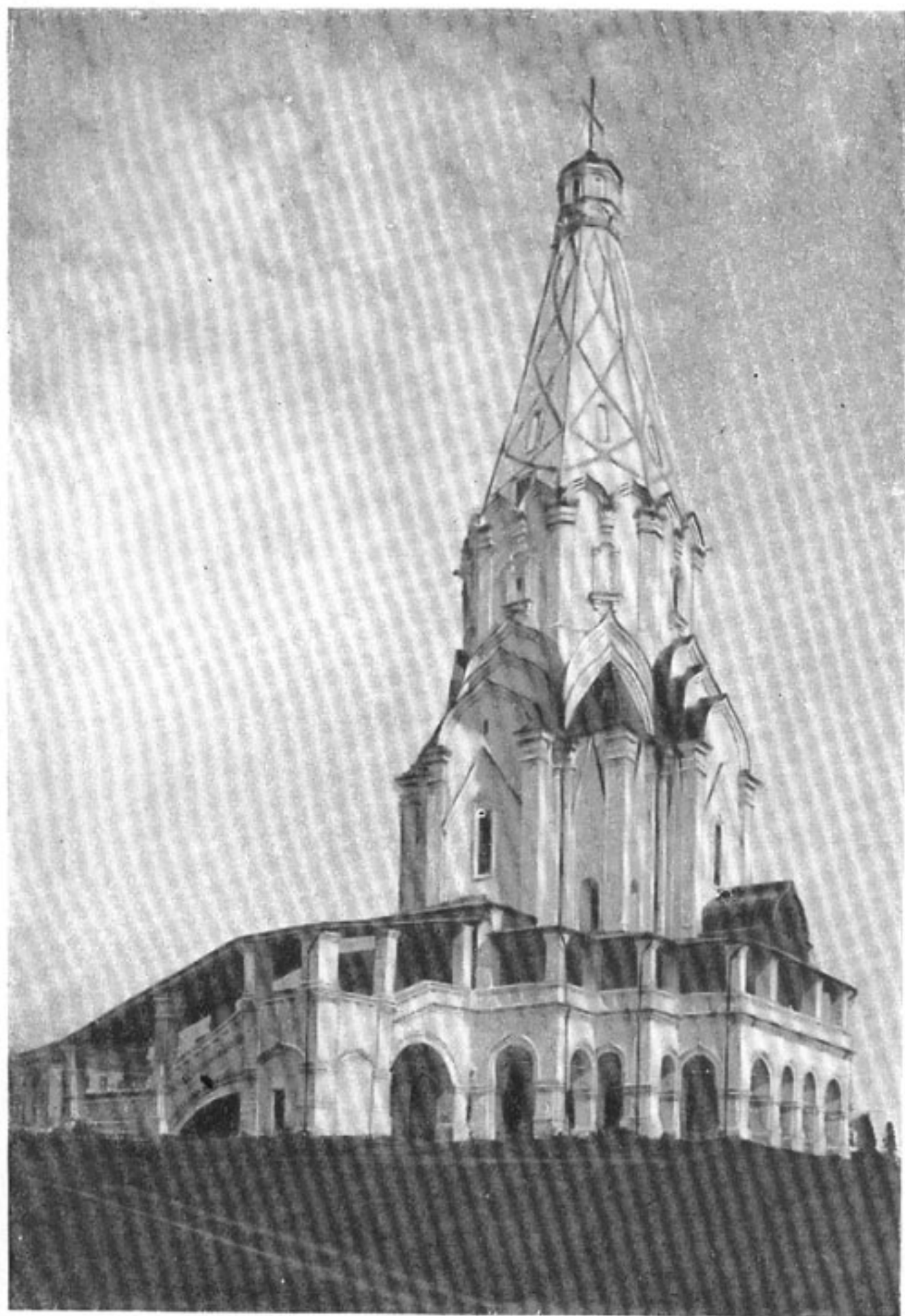

Строительство нового единого Русского государства вызвало обширную политическую литературу, в которой обсуждались различные животрепещущие проблемы тогдашней жизни. На почве оживленных споров вокруг тех или иных вопросов появилось множество публицистических сочинений. Публицистический задор заставлял братья за перо холопа и боярина, рядового монаха и митрополита, мелкого служилого дворянина и самого царя. Все они высказывали разные точки зрения, спорили, защищая интересы разных классов и разных групп внутри господствующего класса.

Идеология трудового народа отразилась в яростно преследовавшихся церковью ересь, известных нам по преимуществу из письменных произведений их противников — представителей господствующей церкви. Ереси были своеобразной идеологической формой протеста все более и более закрепощаемых трудовых масс населения, по преимуществу городских низов. Особенно сильно развернулись еретические движения в конце XV—начале XVI в. в Новгороде и в Москве.

Новгород всегда был на Руси центром всякого нарушения церковных порядков и неоднократно вызывал пространные увещевания митрополитов. В XIV в., как мы уже видели, здесь прочно свила себе гнездо ересь стригольников. Новгород постоянно колебался в выборе церковного подчинения — то Москве, то Киеву.

По-видимому, ересь конца XV—XVI в. не имела какого-либо строго продуманного учения. Это была не столько даже ересь, сколько движение вольнодумцев. Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, они усиленно занимались астрологией, логикой. Это было гуманистическое течение, с которым связывается целый ряд западнорусских рукописей конца XV—XVI в. научного и полунаучного содержания. Движение это не затронуло сельского населения, оставаясь, в сущности, так же как и течение гуманистов на Западе, городским и по составу участников преимущественно «интеллигентским», доступным для немногих. Однако отдельные представители этого движения выражали народные интересы, отражали народный протест против клерикального засилья. Вместе с тем это движение имело серьезное прогрессивное значение тем, что будило

17. Церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой.
1532 г.

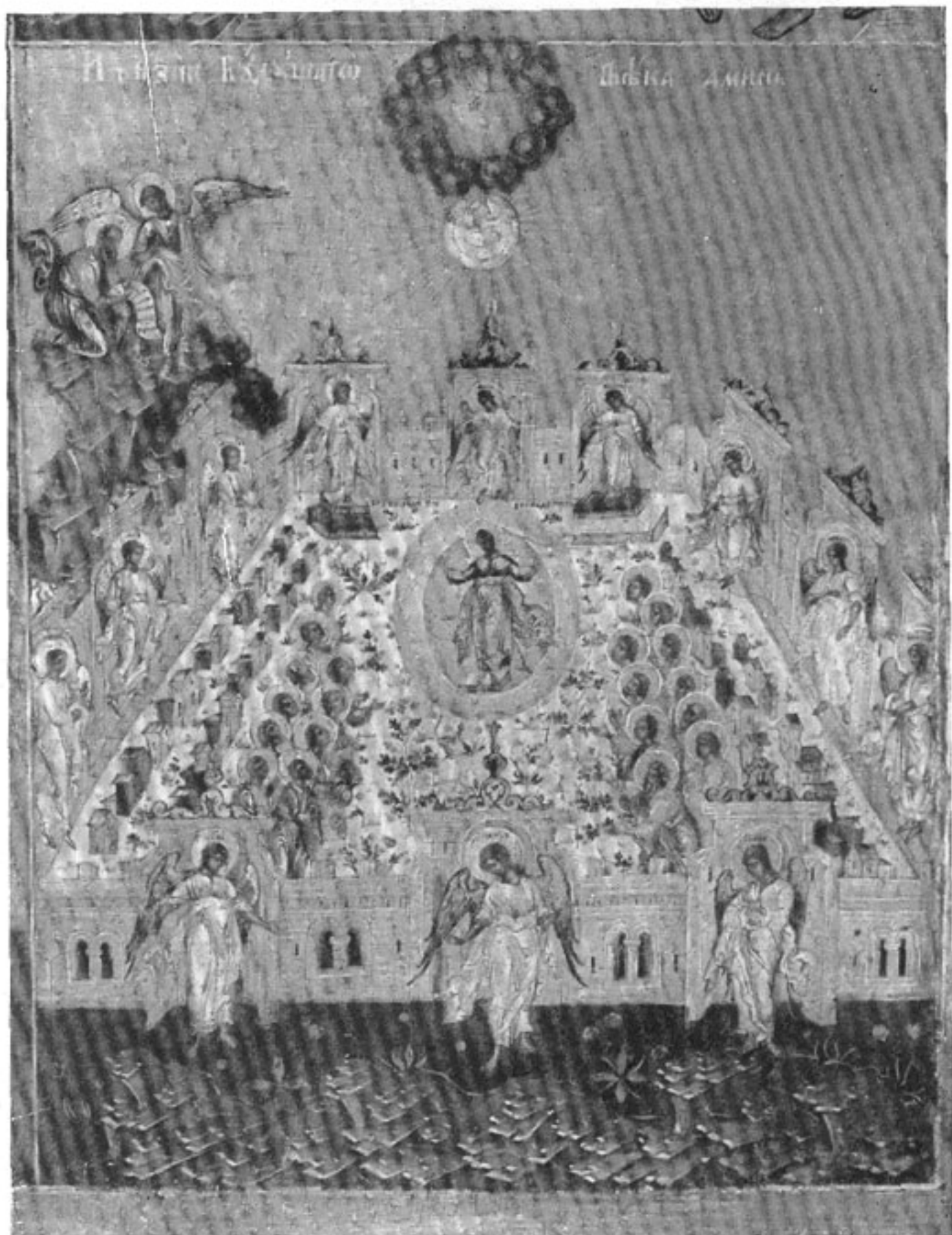
18. Деталь Теремного дворца в Московском Кремле.
1635—1636 гг.

19. Князь Михаил Скопин-Шуйский. Парсуна. Первая половина XVII в.

Государственная Третьяковская галерея.

20. «Жизнь будущего века». Деталь иконы второй половины XVII в. «Символ веры» из церкви Григория Неокессарийского в Москве.

Государственный Русский музей.

21. Деталь фрески 1694—1695 гг. «Казнь жены, грех свой не исповедавшей» церкви Иоанна Предтечи в Толчкове (Ярославль).

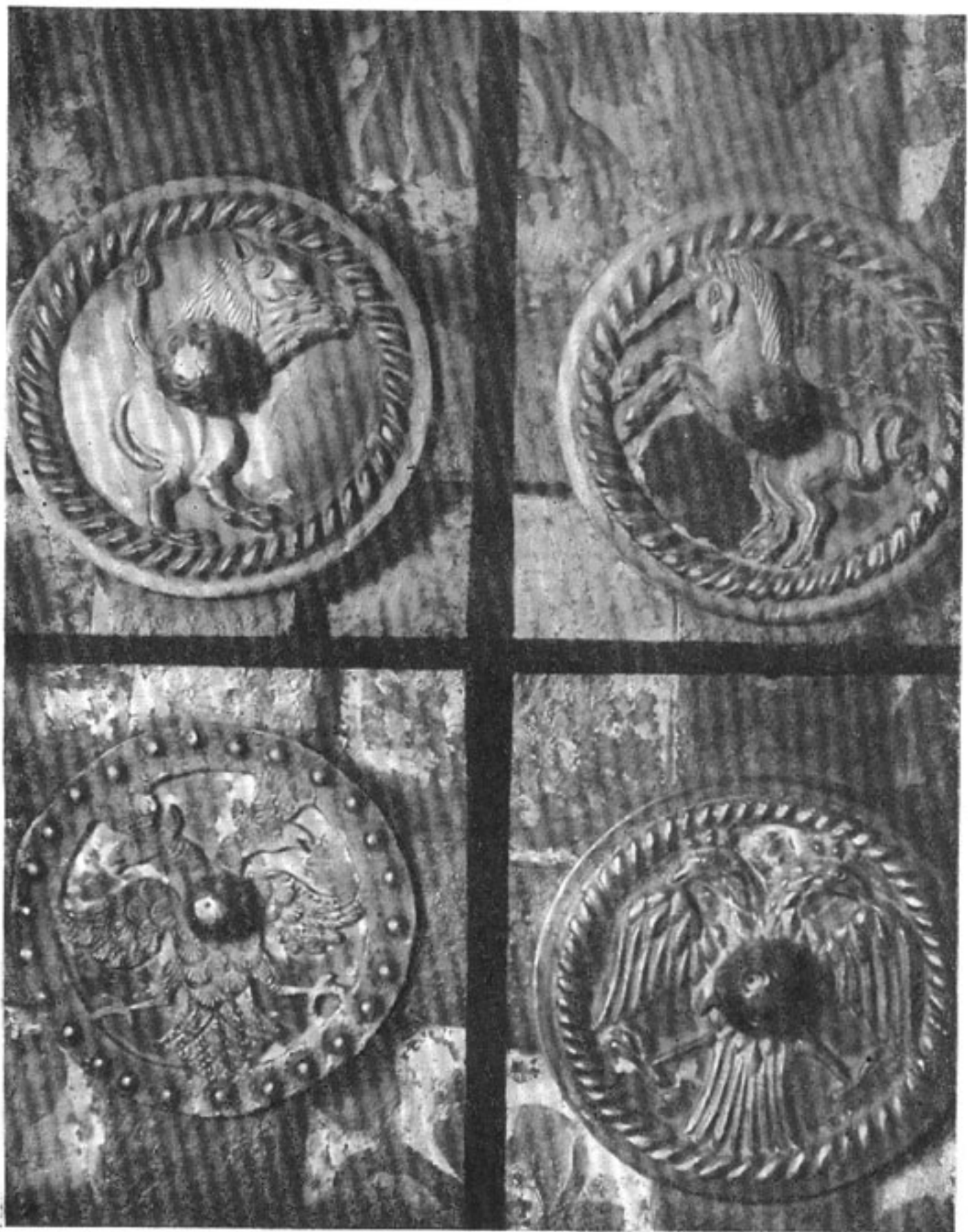

22. Церковь Преображения 1714 г. в Кижах.

23. Церковь в Кондопоге 1774 г.

24. Оковки дверей XVII в. Ярославль.

мысль, вводило в круг образованности новые сочинения, создав в конце XV—начале XVI в. большое умственное возбуждение.

Из Новгорода ересь перекинулась в Москву. Вначале великий князь Иван III воспользовался новгородско-московским еретическим движением для некоторого нажима на церковь, могущество которой начинало конкурировать с могуществом государства, но, в конце концов, почувствовав в ереси серьезную опасность, переменял свою политику. На церковном соборе 1490 г. еретики были преданы проклятию. В 1504 г. церковный собор снова осудил еретиков и некоторые из них были казнены. Тем не менее отдельные еретики продолжали тревожить мысль народных масс в течение всего XVI в., выступая как представители не только свободомыслия, но и вольнолюбия.

Устное народное творчество в XVI в. представлено в первую очередь историческими песнями. В отличие от былин, главными героями которых являлись фантастические образы русских богатырей, в исторических песнях действуют исторические лица. Песни эти посвящены конкретным историческим событиям. Развитие исторических песен в XVI в. свидетельствует об интересе народа к современной ему истории, о развитии исторического сознания и высокой патриотичности. В своих исторических песнях народ одобрял борьбу Ивана Грозного с консервативным боярством, одобрял присоединение Сибири и Казани и образование сильного государства, способного оказывать могущественное сопротивление внешним вторжениям. Особенно интересны исторические песни о взятии Казани, песни о Ермаке и о женитьбе Грозного на Марии Темрюковне. В песнях о взятии Казани воспеваются русские пушкари, их смелость, находчивость и мастерство, в песнях о Ермаке — сам Ермак, смелый атаман, выходец из народа, вольнолюбивый патриот, присоединивший Сибирь к Русскому государству, и вместе с тем активный противник бояр. Народный герой воспевается и в песне о Кастрюке. Простой русский человек «засельщина-деревенщина» вступает в единоборство с хвастливым иноземным князем Кастрюком и побеждает его. Народ все более и более осознавал себя вершителем судеб своей страны.

Публицистика XVI в. отражала по преимуществу борьбу внутри класса феодалов между прогрессивным дво-

рянством и реакционным боярством. Дворянство в союзе с государственной властью выступало против реакционной части родовитого боярства, защищавшего свои права и земли от централизаторской политики государства. Передовые дворянские публицисты считали себя заступниками общенародных интересов и отстаивали прогрессивные идеи.

Один из самых интересных публицистов XVI в. — Иван Пересветов. Он был выходцем из Литвы, служил раньше у польского короля Сигизмунда I, у венгерского короля Януша, в Волошской земле у Петра IV Рареша и в Чехии у короля Фердинанда I Габсбурга. Из Чехии он выехал в Москву и здесь выступал с различными публицистическими сочинениями, предлагая реформы и отстаивая равенство всех перед государством.

Как представитель нового, поднимающегося служилого сословия — дворянства, заинтересованного в отмене старых привилегий, Пересветов осуждает неравенство по рождению и противопоставляет ему неравенство, создаваемое самим правительством путем награждения лучших по своему выбору. Он ставит в пример московскому царю турецкого султана Магомета, который якобы говорил: «Братия, все мы дети одного Адама; кто у меня верно служит и против недруга люто стоит, тот у меня и лучший будет». Он выступает за свободу страны, утверждая: «Которая страна порабощена, те люди не храбры».

Интересен и другой публицист XVI в. — Ермолай-Еразм, выступавший с защитой интересов крестьян.

Вера в силу разума, в силу личного убеждения — характерная черта XVI в. Казалось, что достаточно убедить в чем-либо своих идейных противников или само правительство, и жизнь станет развиваться на разумных началах, примет другое направление. Эта вера в возможность достигнуть коренных преобразований простым убеждением всемогущего монарха роднит русскую мысль XVI в. с западноевропейскими идеями просвещенной монархии, с тем, однако, различием, что элементы этой «просвещенной монархии» на Западе явились несколько позднее, чем в России.

Кроме веры в силу разума, для русской публицистической мысли XVI в. характерна новая черта: в сознание всех вошла мысль, что забота о благе населения — главная

обязанность государя. Появилась идея ответственности государя перед народом. Эта идея была настолько сильна, что сам царь вступает в полемику со своими идейными противниками и заботится об идеологическом истолковании своей политики.

Царь Иван Грозный — выдающийся русский публицист XVI в. Ему принадлежат два письма изменнику князю Андрею Курбскому, обширное послание в Кирилло-Белозерский монастырь, несколько дипломатических посланий иностранным государям и др. Все свои сочинения Грозный делал доступными для чтения русских читателей; они переписывались от руки и читались в XVI и XVII вв. В своих посланиях Грозный отстаивал честь Русского государства, выступал за укрепление государственной власти против произвола боярства и церковных властей. Он писал страстно, с полемическим задором, то саркастично, то с глубоким лирическим чувством, умел поддеть своего противника, высмеять его, обличить в невежестве. Историческая эрудиция Грозного огромна. Он — один из самых образованных людей своего времени.

Вся русская культура конца XV—XVI в. развивалась в тесной связи с задачами государственного объединения страны. Общерусские тенденции в ней преобладали. Возник целый ряд крупных культурных предприятий, объединяющих разрозненные явления русской культуры. Среди обобщающих литературных предприятий подобного рода следует назвать прежде всего «Великие Четыи минеи» митрополита Макария. Они представляли собой полное собрание в десяти огромных томах всех произведений, посвященных житиям святых. Создаются грандиозные летописные своды. Одно из самых больших литературных предприятий времени Грозного — «Лицевой (т. е. иллюстрированный) летописный свод». Свод этот начинался со всемирной истории и заканчивался русской. Сохранившиеся до нашего времени шесть обширных томов охватывают русскую историю с 1114 по 1567 г. В этих томах свыше 10 000 многокрасочных прекрасно исполненных миниатюр.

Присоединение Казани вызвало составление особой «Казанской истории». Присоединяя новые земли на востоке, русские интересовались историей народов, населявших эти земли, и, описывая завоевания, отдавали должное мужеству оборонявшихся.

Прославлению рода московских государей посвящена «Степенная книга» — огромное собрание пышных биографий и характеристик всех предков Ивана Грозного и высших представителей церкви.

Усложнение жизни сказалось на нравах высших слоев русского общества. Митрополит Даниил в своих поучениях говорит о том, что молодые люди вопреки старым обычаям коротко стригут волосы на голове, бреют усы и бороду и даже выщипывают их, красят щеки и губы, подобно женщинам. Они одеваются в дорогие одежды, украшенные драгоценными камнями, носят сапоги, шитые шелком. Эти сапоги так тесны, что ногам приходится в них «великую нужду терпеть». Чтобы казаться широкоплечими, молодые люди подкладывают под одежду на плечи деревяшки. Они постоянно думают «о кивании головы, о уставлении перст, о выставлении ног» — вообще занимаются своими манерами больше, чем следует. Женщины сверх меры белят и красят лица, чернят глаза (ресницы), выщипывают свои брови и наклеивают другие, изменяя их форму («вверх их возводя»). Кроме того, женщины повивают голову под платком, чтобы придать ей круглый вид.

Обличение Даниилом пустых нравов не было случайностью. Государство было озабочено тем, чтобы регламентировать быт, сделать его экономным, развить в людях бережливость. Заботой об экономии пронизан «Домострой» — знаменитое сочинение конца первой половины XVI в., посвященное упорядочению частной жизни людей из состоятельных слоев общества. Здесь давались советы, как быть бережливым, как поднять семейную дисциплину, как готовить еду, как приберечь запасы, хранить платье и заботиться о том, чтобы собаки в доме были сторожливой, а сам «дом всегда в устроении: как в рай войти».

Существенную роль в этом упорядочении жизни должно было сыграть книгопечатание, введенное в России в середине XVI в. Рукописные книги не могли быть точными, в них было много местных особенностей, список писцов.

Введение книгопечатания не ставило себе коммерческих целей. Оно было необходимо в связи с тем, что огромные вновь присоединенные к Москве области нуждались в унифицированных, во всех отношениях проверенных церковных книгах.

В 1564 г. вышел «первопечатный» «Апостол» (книга апостольских посланий, читаемых в церкви во время некоторых богослужений), изданный в Москве Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Издание это во многом замечательно. Текст «Апостола» был тщательно проверен и отредактирован. В нем не было ни одной опечатки. Шрифт, украшения, иллюстрации отличались красотой, были выполнены тщательно и продуманно. Издание готовилось десять лет. Есть сведения, что «первопечатный» «Апостол» не был первою печатною книгой на Руси. Уже до него в каких-то не известных нам типографиях были изданы и другие церковные книги.

Вскоре после издания своих первых книг Иван Федоров и Петр Мстиславец переехали в Литву, но печатание книг продолжалось — сперва в Москве, а затем в Александровской слободе под Москвой. Всего во второй половине XVI в. было издано около 20 печатных книг. «Апостол» 1597 г. вышел очень большим по тому времени тиражом: было издано 1050 экземпляров.

*

Рост добывающей и обрабатывающей промышленности, отдельных ремесел был связан в конце XV—XVI в. с накоплением теоретических и главным образом практических знаний.

Огромные постройки крепостных сооружений, храмов вроде Василия Блаженного или церкви Вознесения в селе Коломенском требовали сложных расчетов и серьезных сведений в области математики и механики. К этому времени принадлежат письменные пособия по арифметике и геометрии, имевшие, правда, в основном прикладной характер.

Развитие торговли с иностранными купцами, путешествия русских людей, громадные приобретения на востоке Русского государства требовали развития картографии. Появились чертежи Русского государства — отдельных его областей и всей его территории в целом. Составлялись географические статьи в хронографах и летописях и особое сочинение «Книга Большому чертежу» — как бы пособие к карте Русского государства. В частности, особая статья

об Америке переписывалась в русских хронографах вскоре после ее открытия.

В химии русские достигли значительных успехов — особенно в сведениях, которые могли быть применены к солеварению и производству поташа.

В лечебниках XVI в. мы находим много практически полезных сведений о различных лекарственных растениях — таких, как черника, ландыш, малина, шалфей, подорожник, липовый цвет и др.

В различных сборниках появляются статьи по грамматике, большое распространение получают «азбуковники», где давались объяснения иностранным словам и помещались справочные статьи, сходные с теми, которые обычно помещаются в энциклопедиях. Составляются и краткие словари иностранных языков.

*

XVI век — это время, когда русская культура ставилась на службу единому Русскому государству, когда уничтожались отдельные ее областные особенности и усиленно обсуждались вопросы общественного блага, общественного и государственного строительства. Это время обширных «обобщающих предприятий» во всех областях культуры, это время создания Московского Кремля, в котором слились различные областные и иностранные архитектурные школы; время создания крупных живописных композиций, подчиненных единой назидательной идее; время упорядочения законодательства, системы управления, церковных установлений, войска; время составления грандиозной «литературной энциклопедии» — «Великих Четых миней», время составления обширной, иллюстрированной более чем 10 000 миниатюр всемирной и русской истории — «Лицевого летописного свода» Ивана Грозного, прославления рода московских государей — «Степенной книги» царского родословия, время написания истории вновь присоединяемого Казанского царства — «Казанской истории». Это время, когда распространилась вера в силу разума, в силу убеждений, когда очень много спорили и стремились убедить друг друга и когда поэтому необыкновенно развилась и расцвела публицистика.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVII в.

XVII век — это век, в который начинается, по определению В. И. Ленина, «новый период в русской истории (примерно с 17 века)». ¹⁷ Предпосылки этого нового периода лежали в экономике — в образовании всероссийского рынка, в преодолении экономической раздробленности и во все «усиливающемся обмене между областями».

Русская культура этого периода отличается смешением противоречивых явлений: остатков старого и элементов нового. Крайне архаичные формы вмещают новое содержание. Старое и новое находятся в непрерывной борьбе. Новое побеждает медленно, но неуклонно.

Новое сказывается прежде всего в значительном обмирщении культуры. Влияние церкви ослабевает. Появляются целые области культуры, в которых воздействие церкви не заметно, или заметно очень мало.

Усиливается и роль народных масс. XVII век — это век народных (крестьянских и городских) восстаний, из которых самым большим было движение под руководством Степана Разина. Народные массы все больше и больше осознают свою роль в жизни страны, стремятся воздействовать на ход событий. Развивается и чисто народная культура: народное прикладное искусство, фольклор, грамотные представители народа пишут литературные произведения, растут вольнодумство и антицерковные настроения.

*

Сельское хозяйство XVII в. развивалось главным образом за счет расширения владений Русского государства

¹⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 1, стр. 137.

на юге и северо-востоке. Под прикрытием укрепленных линий, которые строило правительство в степи для защиты от кочевников, селились крестьяне, бежавшие сюда из центральных районов от все усиливавшегося закрепощения и невыносимой эксплуатации. Южные области Русского государства с их черноземной почвой давали большие урожаи хлеба, которые шли на продажу.

Разрасталось огородничество и садоводство. В XVII в. было уже известно около двух десятков различных сортов яблонь. Разводились дыни, груши, сливы (черные и красные), вишни, смородина, крыжовник, малина, земляника, клубника и др.

Богатая пушиной Сибирь давала ценный мех. Мех получали как «ясак» (подать) с местного населения, его добывали и русские охотники.

Характерная черта сельского хозяйства XVII в. — это увеличение выпуска его продуктов для продажи. Хлеб, пенька, лен, конопля становятся все более важными объектами торговли не только внутри Русского государства, но и с заграницей.

Значительного развития в XVII в. достигает металлургия. Ясно определяется несколько крупных центров металлургического производства. Из них первое место занимает Тульско-Серпуховский район, затем Тихвин, Заонежье, Галич, Нижний Новгород и др. Мастера этих районов работали и на заказ, и на рынок.

Государство уже в 20-е годы XVII в. строило заводы на Урале и в Томске. В 30-е годы было открыто месторождение медной руды около Соликамска и построен Пыскорский медеплавильный завод. В 1637 г. голландский купец А. Д. Виниус по соглашению с русским правительством построил в районе Тулы три вододействующих железоделательных завода, вскоре перешедшие во владение датчанина П. Марселиса и голландца Ф. Акему. Появились заводы около Каширы, в Олонецком крае, в селе Павловском около Звенигорода, в районе Воронежа и др. Многие из этих заводов были оборудованы на основе новейшей европейской техники. Одним из наиболее совершенных предприятий этого рода был московский Пушечный двор,

где отливались не только различные орудия («пищали» для прицельной стрельбы, «мортиры» для навесной стрельбы, «тюфяки» для картечи и многоствольные «органы» для пальбы залпом), но и колокола, паникадила (люстры) и др. Большинство мастеров Пушечного двора были русские. Здесь вводились различные технические усовершенствования, новые системы орудий и т. д. Пушки и колокола богато украшались. Поэтому на предприятии работали и художники — резчики и живописцы.

В московской Оружейной палате производилось легкое оружие (холодное и огнестрельное). Оружейной палате были подчинены Золотая и Серебряная палаты — своеобразные центры богато развившегося в XVII в. ювелирного искусства. Во всех этих трех палатах работали самые различные мастера: оружейники различных специальностей, живописцы, столяры, токари, кожевники, резчики по кости, мастера золотого и серебряного дела (плавильщики, формовщики посуды, литцы, знаменщики — художники, делавшие рисунки, резчики, чеканщики, басменщики, делавшие басму, сусальники, покрывавшие изделия тончайшим сусальным золотом, и мн. др.).

Значительного размаха достигло плотничное дело — особенно на Севере. Здесь славились плотники Каргополя, Мезени, устюжские, двинские, вятские, вологодские. Двинские и каргопольские плотники были также и превосходными лодейными мастерами. Удобство и быстрходность русских лодей, плававших по Ледовитому океану и Белому морю, отмечали еще в XVI в. английские моряки. Строительство домов велось не только по заказам, но и на рынок. Путешественник Адам Олеарий отмечал, что в Москве на лесном рынке можно было приобрести целый дом, который затем перевозился в разобранном виде и мог быть собран там, где нужно.

Организовывались кожевенные заводы (например, в Пскове), текстильные предприятия (в Кадашевской слободе в Замоскворечье, в Тверской, Константиновской слободе, в Хамовниках под Москвой, в Ярославском уезде и др.), стекольные заводы (в селе Духанике под Москвой). Широких масштабов достигло канатное производство, сильно разрослись соляные варницы — особенно в Соли Камской, где было свыше 200 варниц, ежегодно вываривавших до 7 миллионов пудов соли. На всех этих предприя-

тиях использовались и вольнонаемные работники и крепостные.

Прикладное искусство в XVII в. переживало изумительный расцвет. Любая вещь крестьянского или боярского быта была произведением искусства. Резьбой покрывалась мебель, прялки, посуда, наличники окон, двери, фронтоны зданий. Все это ярко расписывалось. Здания украшались цветными изразцами. Художественное прорезное железо широко применялось в быту.

Получило распространение «низание» — из речного жемчуга, драгоценных камней и металлических пластинок. Низаньем украшались оплечья (воротники), подолы, рукава одежды богатых людей. Особенностью шитья этого времени явились золотые и серебряные нити, которые накладывались на основную материю и прикреплялись к ней тонким шелком. В ювелирном искусстве мастера обильно использовали многоцветную эмаль, жемчуг, драгоценные камни.

Жизнь феодальных верхов достигает необыкновенной пышности, контрастирующей страшному обнищанию народных масс.

*

Значительно возросла в XVII в. и внешняя торговля. Через Архангельский порт отправлялись в Западную Европу кожа, рожь, ячмень, пшеница, пенька, лен, холст, поташ, меха, щетина и т. д. В восточные страны через Астрахань и сибирские города шли меха, моржовая кость, кожа и т. д. Из Западной Европы ввозились к нам сукна, металлы (олово, свинец, медь), оружие, жемчуг и драгоценные камни, бумага, пряности, благовония, различные химические товары и т. д. С Востока шли к нам шелк-сырец, шелковые ткани, ковры, различные дорогие вещи. С середины XVII в. установилась непосредственная торговля с Индией, а в последней четверти XVII в. — с Китаем.

*

Если говорить о самом общем впечатлении, которое оставляет знакомство с памятниками русского зодчества XVII в., то это будет впечатление резкого усложнения ар-

хитектурных форм, впечатление праздничного богатства и быстрого движения вперед сравнительно даже с пышным и торжественным XVI веком.

На место все еще существовавших в XVI в. областных, ограниченных пределами какой-то территории архитектурных школ (московской, новгородской, ярославской и т. д.) встало единое, нерасчлененное по областям искусство. И это искусство формировалось под влиянием нового мировоззрения, нового, не аскетического отношения к внешнему миру, к природе, к человеку. Новое миропонимание сказывалось и в установлении связи здания с природой путем раскидистых лестниц, крылец, переходов, «галдарей» (например, церковь в Филях в Москве 1693—1694 гг.), и в общем живописном решении архитектурных задач, и в исключительной декоративности зданий, и в богатстве орнаментации, и во внесении цвета в архитектуру, широко использующей многоцветную окраску и керамику (собор Нового Иерусалима, ярославские храмы, Крутицкий терем в Москве и др.), и в стремлении создать колоссальное внутреннее пространство (собор Нового Иерусалима), грандиозные архитектурные ансамбли (сооружение верхов башен Московского Кремля, кремль Ростова Великого и многое другое).

Многочасность московской архитектуры XVII в. отмечали и иностранцы. Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в его путешествии в Россию и оставивший о последней подробные записки, так описывает московскую городскую застройку: «Большая часть их (жилых домов, — Д. Л.) новые, из камня и кирпича. Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество, множество окон и колонн с резьбой, кои по сторонам окон, на высоту их этажей, как будто они крепости, на их огромные башни, на обильную раскраску разноцветными красками снаружи и внутри: кажется, как будто это действительно куски разноцветного мрамора или тонкая мозаика».

XVII веку принадлежит множество шедевров русской архитектуры. Сюда относятся превосходные образцы народной деревянной архитектуры, особенно обильные на русском Севере, — Владимирская церковь в селе Белой Слуде Архангельской области (1642 г.), Ильинская церковь в селе Чухчерье близ Холмогор (1657 г.), Успенская церковь в селе Варзуге Мурманской области (1674 г.),

церковь в селе Юромском Архангельской области, церковь в селе Богословском близ Ростова (1687 г.), деревянные стены и башня Якутского острога (1683 г.), острог Нико-ло-Карельского монастыря на Северной Двине (1691—1692 гг., одна из башен его перевезена в музей села Коломенского под Москвой) и продолжающие традиции XVII в. красивейшие церкви XVIII в. Кижского погоста и в селе Кондопоге на Онежском озере.

«От древних деревянных срубов веет несокрушимой мощью, — пишет М. В. Алпатов. — Когда смотришь на эти строения, возникает образ мужественного русского крестьянина, который с топором в руках пробивался сквозь чащу леса, возводил города и села, обводил их тыном, строил прочно, работал дружно, неустойчиво».¹⁸

В традициях народного деревянного зодчества был выстроен в 1667—1668 гг. и знаменитый деревянный дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском под Москвой. Постройки этого дворца были разобраны в 60-е годы XVIII в., но от него сохранились чертежи и рисунки. По ним мы можем составить довольно полное представление об этом огромном сооружении, состоявшем из большого числа различных деревянных построек, объединенных между собою сенями и крытыми переходами. Хоромы дворца были крыты самыми разнообразными кровлями, украшены позолотой и расписаны яркими красками. Поэт XVII в. — Симеон Полоцкий называл Коломенский дворец восьмым чудом света.

Тяга к нарядности, к украшениям, к многоцветности в архитектуре сказалась и в надстройке башен Московского Кремля шатровыми верхами, и в здании Теремного дворца Московского Кремля (1635—1636 гг.).

Каменное гражданское зодчество XVII в. чрезвычайно разнообразно. Здесь и совершенно простые, лишенные какой бы то ни было декоративной отделки купеческие палаты, вроде палат купцов Поганкиных в Пскове (1670-е годы), и пышно украшенные здания Земского приказа или Сухаревой башни в Москве.

Образование общерусской единой архитектуры отнюдь не исключало возникновения новых местных архитектурных школ, органически слитых с общим движением русского

¹⁸ М. В. Алпатов, ук. соч., стр. 352

зодчества в целом. В середине XVII в. особенно выдвинулась ярославская архитектурная школа, тесно связанная с народными традициями и местными особенностями природы и быта. Целый ряд ярославских церквей XVII в. принадлежит к лучшим произведениям русского искусства и пользуется всемирной известностью: церковь Ильи Пророка (1647—1650 гг.), Иоанна Златоуста в Коровниках (1649—1654 гг.), Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687 гг.). Наряду с другими волжскими церквями ярославские постройки XVII в. замечательны соединением монументальности с жизнерадостным разнообразием декоративного убранства. Многоцветные росписи внутри них сочетаются с многокрасочной отделкой снаружи.

В XVII в. создаются крупные архитектурные ансамбли. Среди них особенно замечателен архитектурный ансамбль Ростова Великого. Это целый кремль, но кремль, лишенный какого бы то ни было военного значения, он имел чисто декоративный характер. Высокие стены, башни, разнообразные верха церквей, повторенные в глади озера Неро, на берегу которого он расположен, напоминают театральную декорацию. Это одно из самых красивых русских архитектурных сооружений.

Сильнейшее воздействие на развитие пышности, узорчатости и усложненности фасадов оказывало украинское барокко. Очень интересен своеобразный стиль, созданный зодчими бояр «западников» — Галициных и Нарышкиных, — так называемое «нарышкинское барокко». К числу выстроенных в этом стиле зданий относится всемирно известная московская церковь Покрова в Филях (1693—1694 гг.), церковь Успения на Покровке (1696—1699 гг.), построенная русским крепостным мастером Петром Потаповым, постройки купцов Строгановых в Сольвычегодске и в Нижнем Новгороде.

Архитектурное мастерство, достигшее в XVII в. исключительной сложности и разнообразия форм, задерживалось тем не менее в своем развитии старой организацией строительства, не отвечавшей запросам архитекторов, старыми строительными приемами, старыми способами обучения зодчих и недостатком теоретических знаний. Этот разрыв между стремительным движением вперед архитектурной мысли и отставанием форм строительства с годами становился все более и более угрожающим.

Древняя Русь не знала специального архитектурного обучения. Зодчие воспитывались исключительно на практической работе. Они начинали свою работу простыми каменщиками и овладевали архитектурными знаниями в течение долгих, иногда нескольких десятков лет. Очень часто строительное дело было семейной профессией, передавалось от отца к сыну, из поколения в поколение. В этих условиях традиционные формы достигали высокого совершенства, однако введение новых конструктивных решений крайне затруднялось.

Особенно тормозило развитие архитектуры к концу XVII столетия неумение произвести предварительные расчеты или точно отобразить архитектурные замыслы в чертеже. В чертежах господствовали иконописные приемы условного изображения зданий. Иногда здания обозначались как бы с птичьего полета, отдельные части зданий изображались в условной, «обратной», перспективе, как на иконах и т. д. В результате выстроенное здание резко расходилось с чертежом, а чертеж не соответствовал местности и требовал исправления в процессе строительства, как это было, например, при сооружении Архангелогородского гостиного двора.

Поиски все новых и новых форм — в родной старине, в народном творчестве, на Западе, на Украине, на Востоке, — непрерывные изменения, срывы и гениальные удачи — все это было признаком сложных борений живого, сильного и одаренного организма с вставшими на его пути препятствиями. Великая русская архитектура, накопившая в XVII в. изумительное разнообразие форм, сложная, богатая, жизнерадостная двигалась архитекторами, работавшими в основном «на глазок», по памяти, без точных чертежей, не получившими специального образования, претворявшими в действительность свои замыслы главным образом благодаря своей «сметке» и изумительной личной одаренности. Дальнейшее развитие русской архитектуры требовало полной перестройки специального образования зодчих и новой теоретической основы строительного искусства. Недостатки теоретической подготовки московских зодчих пытались восполнить переводом различных руководств по строительному делу. В Пушкарском приказе находился ряд книг, переведенных для московских зодчих: «Книга, в ней писаны как учить делать каменного дела

церквей и палат», «Книга, в ней писаны образцы столбов в церкви или палате, или у мостов каменных и колен около столбов и около церкви, где доведется делать», «Книга, в ней писаны образцы всяким немецким городам, земляным и каменным, и чертежам учить чертить...»

Однако отдельные практические руководства не могли изменить положения дела. Разрыв между колоссально возросшим и усложнившимся искусством архитектуры и его технической базой был слишком велик.

Таким образом, русская архитектура XVII в., достигшая сложного, богатого и разнообразного цветения форм, находилась, однако, на пределе своих возможностей. Необходима была коренная ломка и изменение всех организационных форм строительства, чтобы русская архитектура, двигавшаяся поразительным напряжением высоких личных способностей зодчих, могла продолжать свое быстрое поступательное развитие.

*

Аналогичные противоречия мешали дальнейшему движению вперед и живописи. Трудная техника иконописи, восходящая своими корнями еще к эллинистической энкаустике (живописи восковыми красками на дереве) и хорошо отвечавшая потребностям условного средневекового искусства, отличалась негибкостью и не могла служить новым требованиям, предъявляемым к живописи во второй половине XVII в. Яичные краски иконописи с трудом могли быть смешиваемы и почти не допускали передачи светотени, воздушной перспективы, мягкой моделировки форм, а в конечном счете и реального отображения действительности. Между тем жизнь толкала русских иконописцев к реальной передаче внешнего мира.

В самом деле, в XVII в. постепенно разрушается старое условное представление о пространстве, об интерьере. Вместо того, чтобы, как прежде, для изображения действия, происходящего внутри здания, помещать его на фоне этого здания, иконописцы пытаются создавать иллюзию реального пространства. Палаты, которые прежде изображались только с внешней стороны и в чрезвычайно уменьшенных сравнительно с человеческими фигурами размерах, теперь растут на изображениях в высоту и вширь и как бы

надвигаются на зрителя. Прежнее условное отделение переднего плана с крупными человеческими фигурами от заднего с изображением уменьшенных в размерах зданий сохраняется лишь на некоторых иконах, подражающих старине. Мало того, в надвинувшихся на зрителя зданиях, в стене, прямо противоположной зрителям, открываются окна, обращенные в пространство за зданиями. Сперва темные, они затем начинают изображаться со светлыми стеклами, давая ощущение пространства и за пределами здания. Вместе с тем раздвинувшееся на изображениях пространство вводится постепенно в законы линейной перспективы.

Это новое ощущение живописной глубины, новое реалистическое представление о пространстве, требовали конечно, совсем особых средств для своего выражения, не известных иконописной технике. Перенесение в иконопись линейной и воздушной перспективы, светотени, введение целого ряда новых объектов в живопись, ранее не известных иконописному мастерству, изображение реальной архитектуры, а иногда и реального пейзажа с более или менее правдоподобными, не условными деревьями — все это было отходом от заветов старого иконного письма, державшегося строго традиционных приемов и традиционных сюжетов, и требовало перехода к совершенно иным принципам живописи.

Особенно сильное влияние на иконопись, в смысле разрушения иконописных традиций, оказало искусство портретов. Жанр этот, первоначально стоявший несколько обособлено, затем, во второй половине XVII в., начал оказывать разительное действие на иконопись и возбудил горячие, принципиальные споры, заставившие русское общество выбирать между условным и реалистическим изображением действительности. Портретное искусство требовало пластического воспроизведения человеческих лиц, передачи светотени, мягкой моделировки форм, недоступных иконописной технике.

Особенное значение имело изображение человеческого лица в творчестве крупнейшего русского художника XVII в., признанного авторитета и руководителя художественного движения своего времени, — Симона Ушакова. Иконописный «лик» постепенно уступает место в творчестве Ушакова простому человеческому лицу. Впервые в рус-

ской живописи Симон Ушаков решает ряд задач воспроизведения пластики человеческого лица. Он производит исключительно трудную техническую работу, подражая в иконном письме масляной живописи, но остается эклектиком, не сумев решительно отказаться от приемов древнего русского искусства.

Таким образом, новые задачи, стоявшие перед русской живописью в XVII в., движение русской живописи от условных традиционных форм к правдивому и точному изображению «живства» властно требовали отказа от иконописной техники. О неудовлетворенности иконописанием свидетельствовал и такой факт, как приглашение иностранных художников и щедрая оплата их труда.

Во второй половине XVII в. разворачивается интенсивная деятельность Оружейной палаты, ставшей, в особенности под руководством боярина Хитрово, своеобразной русской Академией художеств, диктовавшей художественные вкусы русскому обществу. Начиная с середины XVII в. здесь сосредоточивается много русских и иноземных художников, рисовавших «с живства» и занимавшихся «парсунным» (портретным) мастерством. С 1643 г. при Оружейной палате работал «живописных дел мастер» голландец Иван Детерсон, обучивший за 12 лет трех учеников-русских. С 1656 г. здесь же работали смоленский шляхтич Станислав Лопуцкий, с 1659 г. — «греченин города Афины» Апостол Юрьев, с 1667 г. — «иноземец цысарские земли» (Австрии) Даниэль Вухтерс, с того же 1667 г. — «Шаховы области иноземец» армянин Богдан Салтанов, с 1687 г. — швед Гёк и т. д.

Многочисленные «парсуны» заезжих мастеров свидетельствуют о посредственном таланте большинства из них, так резко противостоящем изощренному мастерству русских иконописцев. Однако русская иконопись перестала удовлетворять изменившимся вкусам большинства, и это было главное. Все сильнее и смелее проявлялась тяга к европейской живописи, к ее более совершенным и более реалистическим принципам, с ее искусством светотени и перспективы, с ее реалистическим отображением действительности, которого не могло дать условное иконописание с его негибкой и трудной техникой. Конечно, дело шло не о простом переходе от одной техники живописи к другой — более гибкой и более отвечающей потребностям ее развития.

Дело шло о перестройке всей системы изобразительного искусства. Это перестройка могла совершиться лишь на новой основе и должна была сопровождаться отказом от иконописных традиций в целом.

*

Новые явления с особенной силой сказались в русской литературе XVII в. Литература этого периода характеризуется постепенным освобождением человеческой личности, разрушением старых средневековых представлений о человеке только как о составной части церкви, государства или сословия. Сознание ценности человеческой личности самой по себе, вне ее официального положения в обществе, развитие интереса к внутренней жизни человека, увлечение реальными радостями жизни — таковы были те первые проблески освобожденного сознания, которые явились знаменем нового времени.

Это новое отношение к человеческой личности, с такою силою сказавшееся в литературных произведениях XVII в., пришло на гребне волны крестьянских восстаний, городских волнений и церковных раздоров XVII в. Рушились общественные и религиозные учреждения, существование которых было освящено веками.

Уже эпоха борьбы с польской и шведской интервенцией начала XVII в. выдвинула на историческую арену народных деятелей не обычного в Древней Руси склада. В первые ряды русских национальных героев выдвинулись неизвестные дотоле люди, не принадлежащие ни к царствующим династиям, ни к княжеским родам, ни к черному духовенству. «Говядарь» (т. е. мясник) Минин, как одно из главных действующих лиц русской истории, рядом с князем Пожарским был бы совершенно невозможен в предшествующее столетие.

Широкие народные массы, положившие конец иноземной интервенции начала XVII в., реально осознали себя вершителями собственной исторической судьбы и с этих пор не раз заявляли о себе крупными бунтами и восстаниями в течение всего XVII в. Вот почему уже многочисленные исторические произведения о «Смутном времени» разрушали каноны древнерусской исторической литературы (летописей, исторических повестей, сказаний). В этих но-

вых произведениях говорится не только о действиях князей, царей, епископов, но главным образом о движении народных масс. Вместе с тем в них вводится непривычный до того автобиографизм: авторы и инициаторы исторических сочинений о событиях начала XVII в. — князь Хворостинин, Авраамий Палицын, патриарх Филарет и другие — стремятся в своих произведениях оправдать собственное поведение в годы интервенции. Эпический характер летописей сменяется в новых исторических сочинениях личной заинтересованностью мемуаристов, ищущих новой литературной формы для выражения нового содержания. Значительная часть текста в этих сочинениях посвящается характеристикам исторических деятелей (см., например, «Повесть» кн. И. М. Катырева-Ростовского). Живая человеческая личность со всеми ее достоинствами и недостатками становится в центр изложения. Лучшие произведения начала XVII в., посвященные событиям «Смуты», все в основе своей заняты характеристиками исторических деятелей — Федора Иоанновича, Бориса Годунова, В. Шуйского, Лжедмитрия I, патриарха Гермогена и мн. др. К этим лучшим произведениям начала XVII в. несомненно принадлежат «Иное сказание», «Сказание» Авраамия Палицына, «Повесть» Катырева-Ростовского, «Словеса дней и царей» Ивана Хворостинина, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. До начала XVII в. русские исторические сочинения описывали по преимуществу события, действия людей, но редко их характеризовали с такою полнотой.

Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII в. В 60-х годах дьяк Грибоедов пишет историю для детей, где дает психологические характеристики русских царей и великих князей. В конце XVII в. появляется «Повесть о Савве Грудцыне» — с центральной ролью, принадлежащей «среднему» неизвестному человеку. В этом произведении все внимание читателя приковано к внутренней жизни человека и к его личной судьбе. Не случайно «Повесть о Савве Грудцыне» называют первым русским романом.

По-прежнему, как и в предшествующие века, основными жанрами литературы остаются сказания, летописи, слова, поучения. Однако старая форма находится в резком противоречии с вторгшимся в литературу новым содержанием: новыми сюжетами, темами и идеями. Новое содержание по-

степенно разрушает стесняющие его застывшие и неподвижные жанры средневековой литературы.

Чрезвычайно характерное явление для этой своеобразной борьбы нового содержания со старой формой в литературных произведениях второй половины XVII в. представляет собою знаменитая автобиография — «Житие» протопопа Аввакума. По своим взглядам Аввакум крайний консерватор, пытавшийся воскресить идеологию эпохи Грозного, фанатический проповедник «старой веры». Однако как личность Аввакум — типичный представитель нового времени. Он борется, гневается, исправляет нравы, проповедует, как вождь, но не как святой-аскет прежних веков. Свою биографию Аввакум изложил в жанре старого средневекового «жития», но форма «жития» дерзко нарушена Аввакумом. Аввакум пишет собственное «житие», описывает собственную жизнь, прославляет собственную личность, что было бы сочтено верхом греховного самовосхваления в предшествующие века. Аввакум вовсе не считает себя обыкновенным человеком. Он сравнивает себя со святыми и передает не только факты, но и «чудеса», которые считал себя способным творить. Он дает обычный в житиях и апостольских деяниях круг «чудес». Как могло возникнуть подобное намерение — описывать собственную святость — у русского человека, воспитанного в традициях крайнего религиозного смирения?

Эгоцентризм жития Аввакума совершенно поразителен. Нельзя не видеть его связь с тем «психологизмом» XVII в., который позволил Аввакуму не только подробно и ярко описывать собственные душевные переживания, но и найти живые краски для изображения окружающих его лиц: своей жены Марковны, воеводы Пашкова, его сына, казаков и т. д. Все творчество Аввакума раздирается противоречиями между стариной и «новизнами». Язык его сочинений представляет собой исключительный по остроте контраст церковнославянизмов и живого разговорного просторечия. Высокопарные эпитеты соединяются с народными пословицами, душевный простецкий тон разговора сменяется тяжелой книжной речью в канонах XVI в. В изложении он постоянно переходит от чисто церковных вопросов к семейным, от молитвы к брани, к болтовне и злословию. Влияние всех жанров средневековой литературы ощущается в его произведениях: здесь и апостольские деяния, и сочи-

нения Грозного и митрополита Даниила, и жития, и сатирические произведения посадской литературы XVII в., и устное народное творчество, и Библия. Аввакум обращается к самым разнообразным традиционным приемам литературного творчества, чтобы передать волнующие его новые темы.

Сознание ценности человеческой личности развивается в литературе XVII в. параллельно с сознанием значения народа в исторических событиях. Это наблюдается уже в исторических сочинениях, посвященных «Смуте», но еще более отчетливым оно становится в ряде произведений середины и второй половины XVII в. — таких, как повести о завоевании Сибири атаманом Ермаком с казаками, повести об Азовском осадном сидении казаков и др. Во всех этих повестях народными массы по собственной инициативе присоединяют к Русскому государству города и области и сами за свой риск и страх обороняют их, проявляя беззаветную храбрость и мужество. Характерно, что и написаны эти повести со следами народной поэзии. Если в группе повестей о завоевании Сибири народными массами руководит Ермак и Ермак прославляется как личность, то в группе повестей об Азовском осадном сидении казаков нет даже и такой личности, нет вождя. Казаки действуют сообща и прославляются как организованный народ — «великое воинство донское».

Пробудившаяся инициатива народных масс сказывается в появлении чисто народной литературы. Создателями этой литературы были простые крестьяне, ремесленники, мелкое духовенство, влачившее жалкое существование — то в церковных хорах, то в незначительных церковных приходах, иногда мелкие торговцы и вовсе бездомные люди, «скитавшиеся меж двор» и перебивавшиеся случайными заработками. Для произведений этой народной литературы характерна их живая связь с фольклором и резко критическое отношение к действительности. По большей части это произведения сатирические, зло осмеивавшие суд, порядки монастырей, социальное неравенство и пр. В этих произведениях выражаются жалобы на голод, холод, «безживотие безмерное» и «недостатки последние».

К числу лучших произведений этой демократической литературы принадлежат: «Повесть о Ерше Ершовиче», описывающая под видом тяжбы между ершом и лещом —

обитателей Ростовского озера — земельные тяжбы XVII в., «Повесть о Шемякином суде», изобличающая взяточничество судей, «Азбука о голом и небогатом человеке», рассказывающая о злключениях бедного москвича-посадского, «Служба кабаку», дающая яркую картину кабацкого пьянства, «Повесть о попе Савве», изобличающая взяточничество духовенства, «Повесть о куре и лисице» и «Повесть о бражнике», выступающие против церковного лицемерия, «Калязинская челобитная», дающая яркое представление о пьянстве в монастырях, «Лечебник, как лечить иноземцев», выражающий враждебное отношение к различным искателям легкой наживы из иностранцев, нахлынувших в Россию в середине XVII в., и мн. др.

В этих народных произведениях мы нередко сталкиваемся с такими чертами, которые далеко опережают свою эпоху. К таким произведениям, как бы вырывающимся за пределы эпохи, их породившей, принадлежит, например, исключительная по глубине содержания и силе выражения «Повесть о Горе-Злочастии» — явление, далеко еще не оцененное по достоинству. Своими гуманистическими тенденциями «Повесть» во многом опережает и литературу своего времени, и литературу первой половины XVIII в.

«Повесть» рисует «злую немерную наготу и босоту и бесконечную нищету», «недостатки последние» героя повести — некоего безымянного молодца. «Повесть» с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом дает образ безвольного, бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения. Это один из самых невзрачных персонажей, какие когда-либо изображала русская литература. И вместе с тем, не осуждение неудачливого молодца, не сумевшего жить по житейским правилам окружающего его общества, а теплое сочувствие к его судьбе чувствуется в повести. В этом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» — явление небывалое, из ряда вон выходящее в древней русской литературе, всегда суровой в осуждении грешников, всегда прямолинейной в различении добра и зла. Впервые в русской литературе участием автора пользуется персонаж, нарушивший житейскую мораль общества, погрязший в пьянстве и в азартной игре, сведший дружбу с кабацкими питухами (пьяницами) и костарями (игроками в кости), в уши которого «шумит разбой», бредущий неведомо куда в «гуньке кабацкой»

(рогожной одежке, в которой выпускали из кабаков пропившихся до нага пьяниц). Впервые в русской литературе с такою силой и проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека, с таким драматизмом рисовалась судьба павшего человека. Здесь впервые была провозглашена ценность человеческой личности самой по себе — независимо от того состояния, до которого она была доведена внешними обстоятельствами. Этим гуманистическим отношением к человеку «Повесть о Горе-Злочастии» прямо предшествует великой русской литературе XIX в.

Удача автора «Повести» в значительной мере может быть объяснена его смелым обращением к формам устного народного творчества. В тех поисках новой формы, которые были так характерны для второй половины XVII в., автору «Повести» удалось набрести на выразительные и свободные средства народной поэзии. Но «Повесть о Горе-Злочастии» не проложила новых путей в литературе. Это была находка отдельного автора. Сдерживаемая силой средневековых традиций русская литература, как и вся русская культура, продолжала изживать формы старого творчества.

*

Ко второй половине XVII в. относится возникновение русского театра. Элементы театрального искусства были в России и раньше: в представлениях скоморохов и в церковной службе, но регулярный, современный характер — с написанным текстом пьес, с особым помещением для театральных представлений — зрительным залом, сценой, — с декорациями и бутафорией, театральные представления в России обрели только в 1672 г. В этом году был организован театр при дворе царя Алексея Михайловича. Первое представление состоялось на немецком языке, постановщиком его был пастор Грегори из Немецкой слободы в Москве. Первыми актерами и декораторами были также иноземцы. Но вскоре стали набираться русские актеры и пьесы ставились уже на русском языке. Содержанием пьес служили библейские легенды и некоторые исторические и мифологические события. На устройство театра тратились огромные средства, и пьесы ставились с большой пышностью, но серьезного значения в истории рус-

ской культуры этот первый театр не имел. После смерти Алексея Михайловича театр был закрыт и новые театральные представления появились затем только при Петре I.

*

В течение всего XVII в. происходило накапливание практических знаний. Особенно велик вклад русских людей XVII в. в мировую географическую науку. Русские сделали ценнейшие географические открытия на севере и северо-востоке Азии. В 1633 г. Ребров и Перфильев прошли по реке Лене до ее устья, а дальше в 1636 г. по морю до реки Яны и Индигирки. В 1641 г. Стадухин прошел по Индигирке и дальше морем до Колымы. В 1643—1646 гг. Поярков обследовал берега Охотского моря, а в 1648 г. Попов и Дежнев проплыли из Ледовитого океана в Тихий, установив, что Азия отделена морем от Америки. В 1647—1651 гг. Дежнев совершил свое путешествие по Амуру. Русские «землепроходцы» оставили интереснейшие записи о путешествии в Китай и в Монголию (И. Петлин, Ф. Байков, Н. Спафарий).

Географические материалы обобщались в Сибирском приказе. Сюда поступали устные сведения, статейные списки и чертежи. Европейские географы стремились всеми способами получить русские географические материалы из Посольского и Сибирского приказов. Целый ряд западноевропейских географических работ был основан на русских материалах. Среди этих работ в первую очередь следует назвать известную книгу голландца Витсена «Северная и Восточная Татария», а также работы голландца Исаака Массы, французов Невилля и Авриля, англичанина Коллинса и др.

Особенное значение имела составленная в 1627 г. в Разрядном приказе «Книга Большому чертежу», содержащая перечень городов, сведения о расстояниях между ними и краткие географические заметки. Составлена эта книга была для «государевой службы — посылок», но имела более широкое познавательное значение и постоянно дополнялась новыми данными.

В конце XVII в. выдвигаются и первые ученые-географы. К ним в первую очередь следует отнести разносто-

ронне одаренного собирателя сведений о Сибири тобольского жителя Семена Ремезова. Ремезов был живописцем, знаменщиком (рисовальщиком), выдающимся картографом, архитектором, историком Сибири, своеобразным этнографом и археологом. На основании приговора Сибирского приказа 1696 г. Семен Ремезов составил чертеж всей Сибири, в 1701 г. он закончил грандиозный атлас Сибири. Помимо этого, Ремезов составил этнографическую карту Сибири с соответствующим описанием, а также «Историю сибирскую».

*

Как бы ни были, однако, высоки достижения отдельных ученых, архитекторов, техников, первооткрывателей, как бы ни были ценны сами по себе отдельные накопленные знания, движение науки вперед сильно тормозилось тем, что школы по-прежнему находились еще в основном в руках церкви, систематическое образование было по преимуществу церковным, накопленные знания передавались кустарно, налаженного светского, научного и технического обучения не существовало. Талантливые самоучки принуждены были собственными усилиями преодолевать препятствия, которые на каждом шагу ставило им отсутствие училищ, научных учреждений, учебников, научных библиотек.

Развитие ремесла, промышленности, металлургии, архитектуры, техники в целом в середине и во второй половине XVII в. привело ко все нарастающему накоплению эмпирических знаний, но это накопление знаний, опыта, искусства приходило во все большее противоречие с отсутствием технических школ, светского высшего образования, ученых учреждений, настоящей исследовательской (в особенности экспериментаторской) работы. Развитие архитектуры, металлургии, кораблестроения и кораблевождения, артиллерии, военного дела в целом, медицины задерживалось недостаточным развитием теоретической мысли в области математики, физики, химии, ботаники и т. д. Выход из затруднения безуспешно пытались найти в иностранных книгах.

В XVII в. резко усилился приток иностранных книг, изданий античных классиков, исторических, географи-

ческих, медицинских, философских, естественнонаучных сочинений, лексиконов и т. д. Часть из них переводилась на русский язык. В 1637 г. был переведен труд Меркатора под названием «Книга, глаголемая космография». Были переведены первые четыре тома атласа Блеу, география Луки де Линда, в которых пропагандировалась система Коперника. Изложение системы Коперника имелось и в изданном на русском языке в середине 70-х годов XVII в. переводе книги данцигского астронома Гевелия «Селенография» («Описание луны»).

В XVII в. предпринимались попытки создания ряда собственных практических руководств. Сведения по математике, физике и химии сообщал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» — компилятивное, полусамостоятельное произведение Анисима Михайлова. Прямыми предшественниками петровских изданий по военному делу явились переводы книг Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения некоторых людей» и «Голландский воинский устав о наказаниях».

Значительно увеличилось количество библиотек и расширился их состав. В XVII в., кроме библиотек монастырей, известны библиотеки Посольского приказа, библиотека Московской типографии, царская библиотека, библиотека отдельных представителей знати — А. Л. Ордын-Нащокина, А. С. Матвеева, князя Голицына. Ценителем книги выступает и патриарх Никон, не только собравший большую собственную библиотеку, но имевший также обыкновение дарить книги монастырям. В библиотеках этого времени, кроме русских, было много книг на латинском, греческом, польском, немецком и других языках.

Однако в каждой области народной жизни явственно ощущались затруднения с обучением специалистов, недостаточность глубоких теоретических научных знаний, теоретических руководств. Открыть путь дальнейшему развитию архитектуры, металлургии, артиллерии, кораблестроения было невозможно без общих широких мероприятий.

Затруднения не могли быть решены путем перевода и издания отдельных книг или простым открытием технических школ. Было общее препятствие, лежавшее в самом характере средневекового просвещения. Это препятствие должно было быть во что бы то ни стало устранено, хотя

русская образованность XVII в. находилась отнюдь не на низком уровне.

В самом деле, данные, тщательно собранные академиком А. И. Соболевским, свидетельствуют о широком распространении грамотности во всех слоях населения, не меньше, чем в Западной Европе XVII в. По подсчетам А. И. Соболевского, процент грамотных среди землевладельцев дальнего севера в первой половине XVI в. превышал 80; процент грамотных между новгородскими помещиками конца XVI—начала XVII в. был не ниже 55; процент грамотных при дворе в конце XVI в. был выше 78; процент грамотных между посадскими людьми XVI и XVII вв. был не ниже 20, среди крестьян в XVII в. не ниже 15. Белое духовенство было поголовно грамотным.

О грамотности можно судить и по данным распространения букварей. Во второй половине XVII в. Московский печатный двор издал более 300 000 букварей. Бывали годы, когда весь тираж букварей раскупался за несколько дней. Наличие обширной и сложной народной сатирической литературы свидетельствовало о глубоком интересе к чтению даже среди посадских людей и среди крестьян.

Можно также полагать, что знание греческого и латинского языков, знание богословской литературы были широко распространены среди верхов феодального общества в XVII в.

Потребность в образовании живо ощущалась. Именно этим было вызвано во второй половине XVII в. устройство правительственных и частных школ. Школы были открыты в Чудовом (1653 г.) и Спасском (1665 г.) монастырях. Ф. М. Ртищев завел школу в своем Андреевском монастыре (1648—1649 гг.). Целью этого обучения было по преимуществу овладение языками: латинским и греческим. Попутно вместе с тем вводились науки, связанные своим содержанием со средневековой образованностью: грамматика, риторика и философия. В 1668 г. прихожане церкви Ивана Богослова в Китай-городе пытались устроить при ней «гимнасион» для преподавания грамматики, славянского, греческого и латинского языков «и прочих свободных учений». Вскоре (в 1680 г.) открылась особая школа при Печатном дворе, где обучение велось также по преимуществу языкам. Наконец, в 1685 г. под руководством братьев Лихудов начались занятия в Московской Славяно-

греко-латинской академии, соединившей в своих стенах изучение обоих классических языков (греческого и латинского), но преимущество отдававшей греческому.

Московская Славяно-греко-латинская академия была первым высшим учебным заведением в России и имела много учеников. Она давала по тем временам весьма высокое образование: в ней, по учебникам Лихудов, преподавались логика, психология, «физика, или естественная философия». Один из ее учеников, Петр Постников, был первым русским, получившим докторскую степень в Падуанском университете. Заслугой Академии было расширение кругозора учащихся, приобщение к философской мысли древнего мира, выработка научно-логических навыков.

Но открытие академии не разрешало школьного вопроса в России. Образованность XVII в. не была той образованностью, которая могла ответить запросам все усложняющейся жизни. В основном она сохраняла средневековый характер, была оторвана от задач познания и овладения силами природы.

Необходима была коренная ломка всей системы образования, отказ от его средневековой ограниченности, без чего не могло совершаться поступательное движение науки и техники. Необходимо было создание светских ученых учреждений, систематически разрабатывающих определенные отрасли науки. Необходимо было широкое развитие теоретических знаний, без чего не могло совершаться и развитие техники.

Таким образом, канун Петровских реформ в истории русского просвещения отмечен резким противоречием между старой формой образования и новыми потребностями, между стремительным движением вперед и сковывающими это движение «ученическими» приемами обучения. Отсутствие ученых учреждений и древнерусские формы просвещения встали преградой перед бурным потоком нового творчества, перед все усложнявшимися потребностями русской культуры.

*

Оглянемся назад — на развитие русской культуры с X по XVII в. Мы видим, что русская культура за эти восемь веков создала немало непреходящих ценностей.

Особенно высокие ценности были созданы в области художественной. Богатое формами, разнообразное по стилям русское зодчество отнюдь не отставало от западно-европейского. «Подводя итоги всему, что сделано Россией в области искусства, — писал И. Э. Грабарь, — приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих. Чуть е пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм, — словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа».¹⁹

Своеобразные ценности были созданы в живописи. Всемирно известные фрески Новгорода и прославленные русские иконы составляют одну из самых больших гордостей русского народа. Фрески и иконы в каждую из эпох представляли очень высокую ценность. Прекрасные вещи были созданы в области прикладного искусства.

В литературе мы имеем ряд превосходных произведений — таких, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», «Повести об азовском осадном сидении казаков», «Повесть о Горе-Злочастии», сочинения протопопа Аввакума.

Но особенного развития достигла в древней Руси историческая литература: грандиозное по размерам и исключительно тщательное летописание, хронографы, исторические повести и т. д. Исторические сочинения поддерживали патриотизм русского народа, сознание своего единства и общности происхождения и интересов с братскими народами Украины и Белоруссии. Знание родной истории было очень высоким в древней Руси и сыграло выдающуюся роль в русской истории.

Культурные ценности создавались русским народом в неимоверно тяжелых условиях: в условиях двухсотлетнего татаро-монгольского ига и жесточайшей эксплуатации трудящихся.

Явно отставала наука — теоретическое знание, хотя практические знания были очень богаты, и именно они

---

¹⁹ И. Грабарь. История русского искусства, т. I, М., 1910, стр. 4.

обусловили быстрое развитие русской науки в XVIII и XIX вв.

Великое искусство древней Руси и ее обширная литература были той питательной почвой, на которой выросло русское искусство и русская реалистическая литература XIX—XX вв.

Канун Петровских реформ начала XVIII в. застал русскую культуру как раз в тот период, когда в нем были накоплены величайшие возможности будущего развития. Чтобы полностью проявиться этим возможностям, надо было сломать старые формы развития культуры, перевести это развитие на светские начала, освободиться от гегемонии церкви, создать условия для накопления и передачи знаний в школах, в академиях, в научных сочинениях, в теоретических обобщениях, создать новые формы литературы, поэзии, театра, значительно расширить книгопечатание и общение с другими странами для обмена опытом, знаниями и художественными достижениями.

Все это и было сделано в XVIII и XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА¹

Общие работы

- И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1—6. СПб., 1889—1899.
- И. Грабарь. История русского искусства, тт. I—VI (1910—1915).
- М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. Киев, 1911.
- A. Eliasberg. Russische Kunst. München, 1915.
- А. Некрасов. Учебный атлас по истории древнерусского искусства, вып. I—III. М., 1916.
- L. Reau. L'art russe des origines à Pierre le Grand. Paris, 1921.
- M. Alpatov und N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932.
- D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit der Grossfürstentums Moskau. Berlin—Leipzig, 1933.
- Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М.—Л., 1944.
- Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.). М.—Л., 1946.
- История культуры древней Руси. Под общей редакцией Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова, т. I, Домонгольский период. Материальная культура. М.—Л., 1948; т. II, Домонгольский период. Общественный строй и духовная культура. М.—Л., 1951.
- Talbot Rice. Russian Art. London, 1949.
- История русского искусства. Под общей редакцией И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева. Т. I, М., 1953; т. II, М., 1954; т. III, М., 1955; т. IV, М., 1959.
- G. H. Hamilton. The Art and Architecture of Russia. Penguin Books, 1954.
- М. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955.
- История русского искусства, т. I. Издание Академии художеств СССР, М., 1957.

¹ Расположение тематических отделов в списке литературы соответствует общему построению глав книги. В пределах каждого тематического отдела литература расположена хронологически.

Н. Н. Воронин. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства. М., 1960.

Сельское хозяйство

- Д. К. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. История русской земледельческой культуры. Вятка, 1907.
П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — Известия ГАИМК, т. XIV, вып. 1, Л., 1932.

Ремесло и прикладное искусство

- Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, чч. 1—3. СПб., 1858—1865.
Н. Я. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.
А. В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1881.
В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887.
Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I. СПб., 1896.
А. Бобринский. Резной камень в России (атлас). М., 1916.
В. Никольский. Древнерусское декоративное искусство. СПб., 1923.
А. Некрасов. Очерки декоративного искусства древней Руси. М., 1924.
А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв., Л., 1936.
Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948.
Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950.

Торговля

- А. А. Спицын. Торговые пути Киевской Руси. — Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911.
И. М. Кулишер. История русской торговли. Пгр., 1923.

Письменность

- А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1952.
А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Сборник, М., 1955.
Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956.
А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 годов), М., 1958.
А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

Литература

- Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953.
В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пгр., 1922.

- В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937.
- М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940.
- История русской литературы. Изд. Института русской литературы АН СССР, т. I, М.—Л., 1941.
- В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947.
- Д. С. Лихачев. Русские летописи. Л., 1947.
- И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947.

Наука и просвещение

- П. А. Лавровский. О древнерусских училищах. Харьков, 1854.
- В. В. Бобынин. Очерки истории развития физико-математических знаний в России XVII столетия, вып. 1. М., 1890.
- А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Изд. 2-е, СПб., 1894.
- К. В. Харламович. К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период. М., 1901.
- А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.
- В. Н. Перетц. Образованность в Киевской Руси.—Книга для чтения по русской истории под ред. проф. М. Довнар-Запольского, ч. I, М., 1904.
- М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1908.
- А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзор пергаментных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек.—Труды XV Археологического съезда в Новгороде, т. II, 1911.
- Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, тт. I и II. М., 1913.
- Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.
- Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1937.
- Т. Райнов. Наука в России XI—XVII веков. М.—Л., 1940.
- Д. М. Лебедев. География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.—Л., 1949.
- Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сб. документов, сост. Н. С. Орловой, под ред. А. В. Ефимова, М., 1951.
- Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальное еретическое движение на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955.

Книгопечатание

- А. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1941.
- У истоков русского книгопечатания. Сборник под ред. М. Н. Тихомирова, А. А. Сидорова и А. И. Назарова, М., 1959.

Музыка

- А. Фаминицын. Гусли, русский народный инструмент. СПб., 1890.
- А. Фаминицын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.
- А. В. Преображенский. Краткий очерк истории церковного пения в России. СПб., 1910.
- Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. I. М.—Л., 1928.

Зодчество

- В. Суслов. Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889.
- А. Павлинов. История русской архитектуры. М., 1894.
- И. Забелин. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900.
- М. Красорский. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века). М., 1911.
- С. Бартнев. Московский Кремль в старину и теперь, тт. I—II. М., 1912—1916.
- С. Бартнев. Большой Кремлевский дворец, дворцовые церкви и придворные соборы. М., 1916.
- М. К. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I, Деревянное зодчество. Пгр., 1916.
- Г. К. Loukomsky. L'Architecture religieuse russe du XI-me siècle au XVII-me. Paris, 1929.
- А. Сперанский. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.
- Н. Воронин. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М.—Л., 1934.
- D. R. Vuxton. Russian Mediaeval Architecture. Cambridge. 1934.
- В. Снегирев. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935.
- Р. М. Габее. Карельское деревянное зодчество, М., 1941.
- С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- Н. Н. Воронин. Главнейшие этапы русского зодчества X—XV столетий. — Известия Отделения истории и философии АН СССР, 1944, № 4.
- В. Л. Снегирев. Московское зодчество. Очерки по истории русского зодчества XIV—XIX веков. М., 1948.
- В. И. Иванов, П. Н. Максимов и С. А. Торопов. Сокровища русской архитектуры. М., 1950.
- Е. Ащепков. Русское деревянное зодчество. М., 1950.
- История русской архитектуры. Краткий курс. Институт истории и теории архитектуры, М., 1951; 2-е изд., М., 1956.
- Крепостные сооружения древней Руси. Под ред. Н. Н. Воронина. — Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 31, М., 1952.

Н. А. Ковальчук. Деревянное зодчество. Горьковская область. Под ред. Д. П. Сухова и П. Н. Максимова, М., 1955.

А. В. Ополовников. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР, М., 1955.

Живопись

В. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.

Л. Мацулевич. Церковь Успения в Волокове. — Памятники древнерусского искусства, вып. 4. СПб., 1912.

Фрески Спаса-Нередицы. Атлас со вступительной статьей В. К. Мясоедова. Л., 1925.

И. Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. — «Вопросы реставрации», т. I, М., 1926.

А. И. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи. — «Вопросы реставрации», т. II, М., 1926.

P. P. Maratov. Les icones russes. Paris, 1927.

N. Kondakov. The Russian icon. Oxford, 1927.

Masterpieces of Russian Painting. London, 1930.

Г. Георгиевский и М. Владимиров. Древнерусская миниатюра. М., 1933.

А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937.

Talbot Rice. Beginnings of Russian icon painting. Oxford, 1938.

М. И. Артамонов. Мастера Нередицы. — Новгородский исторический сборник, вып. 5. Новгород, 1939.

Б. Михайловский и Б. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М.—Л., 1941.

Russian icons and objects of ecclesiastical and decorative arts from the collection of George R. Hann. 1944. Department of fine arts. Carnegie institute.

А. Леонов. Симон Ушаков. Русский художник XVII века. 1626—1686. М.—Л., 1945.

Г. Недошивин. Дионисий. М.—Л., 1947.

Talbot Rice. Russian icons. London and New York, 1947.

В. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947.

А. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950.

L. Ouspensky and W. Lossky. Der Sinn der Ikonen. Bern, Switzerland, 1952.

Ю. Дмитриев. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности древней Руси. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. IX, М.—Л., 1953.

Russian icons. Introd. by Ph. Schweinfurth. London, 1953.

В. Н. Лазарев. Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек. — «Советская археология», т. 22, М., 1955.

Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. Материалы и исследования, М., 1955.

W. Molé. Ikona Ruska. Warszawa, 1956.

М. В. Алпатов. Рублев, М., 1959.

- В. Н. Лазарев. Андрей Рублев. М., 1960.
 И. А. Иванова. Андрей Рублев — живописец древней Руси. М., 1960.
 А. Ягодковская. Андрей Рублев. М., 1960.

Русские города

Общие работы

- В. Лавров. Старые русские города: Каргополь, Касимов, Романов. — «Архитектура СССР», 1939, № 3.
 Н. Н. Воронин. Древнерусские города. М.—Л., 1945.
 Л. М. Тверской. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов. Л.—М., 1953.
 М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2-е, М., 1956.
 С. Д. Васильев. По древним русским городам. Путеводитель. М., 1958.

Москва

- И. Забелин. История города Москвы, ч. I. М., 1905.
 П. А. Гейнике. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М., 1911.
 С. Бартенев. Московский Кремль в старину и теперь, тт. I—II. М., 1912—1916.
 А. Некрасов. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. М., 1928.
 Н. Брунов. Московский Кремль. М., 1944.
 М. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947.
 П. Гольдберг. Старая Москва. М., 1947.
 П. Сытин. История планировки и застройки Москвы, т. I, вып. 1. М., 1950.
 История Москвы, т. I. М., 1952.
 М. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957.

Киев

- К. Шероций. Киев. Киев, 1918.
 М. К. Каргер. Древний Киев, М.—Л., 1957.

Новгород

- М. Каргер. Новгород Великий. М., 1946.
 В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947.
 Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947.
 А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1949.
 Б. А. Колчин. Русский феодальный город Великий Новгород. — «Советская археология», 1957, № 8.
 Т. М. Константинова. Новгород (Пособие для экскурсантов и туристов). Новгород, 1958.
 Д. С. Лихачев. Новгород Великий. М., 1959.

Псков

- Н. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913.
А. И. Некрасов. Древний Псков и его художественная жизнь. М., 1923.
А. Васильев и А. Янсон. Древний Псков. Л., 1929.
Ю. Спегальский. Псков. Л.—М., 1946.

Владимир

- Н. Ушаков. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913.
Н. Н. Воронин. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945.
Н. Воронин. Владимир. М., 1945.
А. В. Столетов. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир, 1958.
Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958.

Вологда

- Г. Лукомский. Вологда в ее старине. Описание памятников художественной и архитектурной старины, составленное и изданное при участии членов Северного кружка любителей изящных искусств. СПб., 1914.
П. К. Перепеченко. Вологда и окрестности. Вологда, 1957.

Звенигород

- В. и Г. Холмогоровы. Город Звенигород. М., 1884.
Н. Тихомиров. Звенигород. М., 1948.

Изборск

- С. А. Тараканова. Старый Изборск. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XX, 1948.
Т. Михельсон. Изборск. Псков, 1958.

Казань

- Старая и новая Казань. Сборник, Казань, 1927.
Е. Топуридзе. Казань. М., 1945.

Муром

- Н. Травчетов. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903.
В. Добрынкин. Муром прежде и теперь. М., 1903.
А. Монгайт. Муром. М., 1947.

Нижний Новгород

- А. Мельников. Нижний Новгород и Нижегородская губерния. Нижний Новгород, 1896.
Е. Белов и Ю. Шамурин. Казань, Нижний Новгород, Кострома, М., 1913.

- С. Агафонов. Горький — Нижний Новгород. М., 1947.
И. А. Кирьянов. Нижегородский кремль. Горький, 1956.

Переславль Залесский

- М. Смирнов. Переславль Залесский, его прошлое и настоящее. Сергиев посад, 1913.
М. Смирнов. Переславль Залесский. Переславль Залесский, 1928.
Н. Воронин. Переславль Залесский. М., 1948.
В. Баниге, В. Брюсова, Б. Гнедовский, Н. Шапов. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957.
Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области, 1, Древний Ростов. Ярославль, 1958.

Ростов Великий

- Д. Иванов. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий, 1912.
Б. Эдинг. Ростов Великий, Углич. М., 1914.
С. Безсонов. Ростов Великий. М., 1945; 2-е изд., Владимир, 1957.

Рязань

- М. Ильин. Рязань, ч. I. М., 1954.

Смоленск

- Н. А. Мурзакевич. История города Смоленска. Юбилейное издание под ред. И. И. Орлова, Смоленск, 1903.
П. Никитин. История города Смоленска. М., 1948.
Д. П. Маковский, В. С. Орлов. Смоленск с древнейших времен до XX века. Смоленск, 1948.
Д. П. Маковский. Смоленское княжество. Смоленск, 1948.
И. Д. Белогорцев и И. Д. Софинский. Смоленск, М., 1952.
Памятники архитектуры Смоленской области. Смоленск, 1956.

Сольвычегодск

- В. Ешкилев. Город Сольвычегодск и памятники былой его культуры. Великий Устюг, 1926.

Старая Ладога

- С. Н. Орлов. Старая Ладога. Исторический очерк. Л., 1960.

Суздаль

- М. Достоевский. Суздаль. М., 1919.
А. Варганов. Суздаль. М., 1944.
Н. Н. Воронин. Памятник владими́ро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945.
А. Варганов. Суздаль. Историко-экономический очерк. Владимир, 1957.
Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958.

Троице-Сергиева лавра

Историческое описание Святотроицкия Сергиевы Лавры. М., 1857.

Н. Виноградов. Троице-Сергиева лавра. М., 1944.

Тула

П. Малицкий. Тула. Тула, 1903.

А. Рудаков. Тульский кремль. Тула, 1916.

А. Рудаков. Очерки из истории Тулы и Тульского края. Тула, 1923.

А. Кипарисова. Тула. М., 1948.

Углич

Е. Михайловский. Углич. М., 1948.

Чернигов

И. А. Игнаткин. Чернигов. М., 1955.

Тверь

В. С. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб., 1876.

Ю. Шамурин. Калуга, Тверь, Тула, Торжок. М., [1913]. Серия «Культурные сокровища России», вып. 7.

Ярославль

Ю. Шамурин. Ярославль. Романов-Борисоглебск. Углич. М., 1912.

В. Иванов. Ярославль. М., 1946.

[П. Козлов, А. Суслов, С. Чураков]. Ярославль. Ярославль, 1956.

Ярославль. Путеводитель. Ярославль, 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
К читателю	5
Культура Киевской Руси (X—XIII вв.)	10
Русская культура после татаро-монгольского нашествия до образования Русского централизованного государства	36
Культура Руси эпохи образования Русского централизован- ного государства (конец XV—XVI в.)	60
Русская культура XVII в.	87
Литература	111

Дмитрий Сергеевич Лихачев

КУЛЬТУРА РУССКОГО НАРОДА X—XVII вв.

*

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *Е. И. Михлин*

Художник *С. Н. Тарасов*

Технический редактор *Р. А. Замараева*

Корректоры *Н. И. Журавлева, А. И. Кац и И. А. Кириллова*

Сдано в набор 19/X 1960 г. Подписано к печати 21/XII 1960 г. РИСО АН СССР
№ 59-5р. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Бум. л. 2¹/₄. Печ. л. 4¹/₂ = 7,38 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 7,2. Изд. № 1296. Тип. зак. № 888. М-26962. Тираж 8000.

Цена 23 коп.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, В. О., 9 линия, д. 12)